

СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ НОВО-КИТЕЖЕ

МИХАИЛ
ЗУЕВ-ОРДЫНЦ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Михаил Ефимович Зуев-Ордынец
Сказание о граде Ново-Китеже
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155319
Сказание о граде Ново-Китеже: Вече; Москва; 2006
ISBN 978-5-4444-7195-1

Аннотация

Легенды о таинственном граде Китеже, якобы в одночасье затонувшем в лесном озере, будоражили воображение не одного поколения романтиков и историков, но... оставались не более чем красивыми сказками.

Так считали и герои романа Михаила Зуева-Ордынца – капитан Степан Ратных и мичман Федор Птуха, фронтовые товарищи, прошедшие вместе огонь и воду, – пока волею случая не оказались... в самом настоящем древнерусском городе, схоронившемся в дебрях Забайкальской тайги.

Знаменитый роман классика отечественного приключенческого романа возвращается к читателю!

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	32
Глава 10	37
Глава 11	40
Часть вторая	43
Глава 1	43
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Зуев-Ордынец

Сказание о граде Ново-Китеже

© Зуев-Ордынец М. Е., 2006

© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

* * *

*Регине Валерьевне Зуевой-Ордынец с глубокой благодарностью
за помощь, за творческий союз посвящает автор*

Часть первая Фронтовые товарищи

Глава 1 Тушинский аэродром

*Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.*

А. Твардовский, «Василий Теркин»

1

Казалось, вся Москва устремила в Тушино. Отчаянно звенели переполненные трамваи, сигналили на разные голоса троллейбусы, гудели пригородные поезда. В одну сторону, без встречного движения, неслись сплошным потоком автомашины: и дряхлые ветераны московских улиц, потрепанные «фордики», «линкольны», «бенцы», и отечественные «эмки», «газики», и фронтовые «виллисы», и только что появившиеся на свет, с еще не снятыми ограничителями «москвичи» и «победы». Между автомобилями тарахтели мотоциклы, по обочине бесшумно неслись велосипеды, а по тротуарам шли толпы пешеходов. И вся эта лавина катилась к Тушинскому аэродрому.

Против села Щукино, где Волоколамское шоссе поднималось на крутой взлобок, оставалось, обессилев, такси – ветхая, даже лохматая какая-то от старости «эмка», с простреленным, в лучеобразных трещинах ветровым стеклом. Побывала, видимо, на фронте и вернулась, хоть и калекой, в ряды московских трудяг-такси. Сидевший рядом с водителем генерал-майор удивленно спросил:

– Что случилось? Капризничает «старуха»?

– Вот то-то что «старуха»! – со сдержанной яростью ответил водитель. – На пенсию ей пора. Мешок металлолома, а не машина!

Он вылез из кабины и нырнул под капот. Генерал тоже вышел на асфальт и, повернувшись спиной к шоссе, начал любовно глядеть на Москву, отсюда, с пригорка, видную хорошо и далеко. Залитая утренним августовским солнцем, она словно улыбалась радостно. А ведь совсем еще недавно, какие-нибудь года два назад, на ее улицах, пропахших тоскливой гарью пожарищ, грохотали залпы зениток, стоявших в городских скверах, а в небе подвывали бомбардировщики с черными крестами на крыльях.

– Готово, товарищ генерал, уговорил нашу «старуху». Поехали! – крикнул водитель, захлопывая капот.

Генерал шагнул к машине и остановился. Спокойное, крепкой кости лицо его дрогнуло. Глубокое волнение, удивление и радость отразились на нем.

Лавина мчавшихся по шоссе машин, поднимаясь на взлобок, сбавляла ход. Мимо «эмки» в двух шагах медленно проехал «виллис», густо измазанный мазутом по брезентовому борту. На заднем сиденье «виллиса» был только один человек, сухой, мускулистый, подобранный, в морском кителе и мичманке с тупым нахимовским козырьком, как-то особенно лихо сдвинутой на бровь. Он равнодушно скользнул по генералу взглядом цыгани-

стых, с синеватыми белками глаз, а генерал бросился за «виллисом», закричав пересохшим от волнения голосом:

– Птуха!.. Федор Тарасович!.. Мичман!..

Но «виллис» уже заслонили проезжавшие машины.

Генерал кинулся к такси и крикнул водителю:

– Видел «виллис», измазанный мазутом? Гони за ним! Догонишь – что хочешь с меня спрашивай!

– Сегодня без обгона, товарищ генерал, – сказал опасливо водитель. – Верная неприятность от ГАИ!

– Давай, давай! Не отставай хотя бы. Ко входу на аэродром вместе подскочим, и то хорошо. Я его тогда при входе перехвачу!

Дряхлая «эмка» по-молодому рванулась вперед, азартно дребезжа и мотором, и кузовом.

– Кого перехватите? Украл он у вас что-нибудь?

– Почему – украл? Да боже ж ты мой, я Птуху ищу! Мичмана Птуху, понимаешь?

Водитель ничего не понял. А генерал подумал, волнуясь:

«Это был Птуха! Я же ясно видел. Мичманок ты мой дорогой! Гроза морей! И глаза цыганские, и мичманка нахимовская. Да чего там – все его!»

– Куда? Вход и слева и справа! – нетерпеливо спросил водитель.

– Эх, мать честная! Давай вправо! – отчаянно воскликнул генерал.

Мелькнули клумбы, цветники, газоны, и открылась взору ширь аэродрома. Над вышкой Центрального аэроклуба призывно развевались сине-желтые авиационные флаги.

Сунув водителю крупную бумажку, генерал бегом припустил к входным турникетам. Но здесь была пробка. Только через полчаса нажимавшие сзади вытолкнули генерала на аэродром. Он подошел к канату, за которым уже сидели на траве зрители. Перед ним было море голов. Разве найдешь здесь Птуху?

«Надо Косаговскому написать. Птуха, мол, отыскался, вышел из Ново-Китежа. – Генерал взволнованно вздохнул. – Нет, подожду писать. Он, конечно, спросит про Анфису. А что я ему отвечу? Надо прежде мичмана отыскать и узнать у него все досконально. Зачем раньше времени трепать Виктору Дмитриевичу нервы!»

2

Небо загудело, запульсировало, заревело от ударов мощных пропеллеров. Гул, как пальцами, давил на барабанные перепонки. С железобетонной взлетной дорожки поднимались многомоторные бомбардировщики. Взлетев после стремительного разбега, они пошли над аэродромом плотными колоннами. Это был великолепный и грозный воздушный марш.

Проводив бомбардировщики взглядом, генерал-майор Ратных опустил глаза на аэродром, на зрителей. Безнадежно смотрел он на бесчисленные кепки, шляпы, береты, фуражки различных фасонов. Он все еще искал лихую мичманку Федора Птухи.

Безнадежное дело! Не найти!

«А вышел ли Птуха из Ново-Китежа? Ведь город горел со всех концов, как огромный костер. И в тайге начался пожар, а новокитежане со скотом, с телегами бежали от пожара. Видели мы это с самолета. Может быть, и Птуха погиб в этом пожаре? Нет, он дня на три позже пришел в Ново-Китеж. Наверное, голое пожарище нашел на месте города. А самолеты, высланные из Читы, увидели только выжженную на многие километры тайгу. Сесть нельзя было. И никто им с земли сигналов не подавал. А все же вышел мичман в «мир»,

на Большую землю. Его я видел на шоссе в “виллисе”. Ошибки нет! Он где-то здесь, может быть, в двух шагах!..»

Над аэродромом по-прежнему ревело небо. В вышине стремительно носились реактивные истребители, погнавшиеся за бомбардировщиками. Начался воздушный бой. Горький, едкий дым сгоревшего бензина повис в безветренном небе.

А генерал почувствовал вдруг запах другого дыма, дровяного, смолистого. Он валил из-под крыш, из окон и дверей топившихся по-черному изб Ново-Китежа.

Воспоминания обступили его, и годы медленно пошли назад, в невозвратное прошлое.

Глава 2

Фронтовые товарищи

Давайте вспомним все, что нам знакомо...
М. Светлов, «Двадцать лет спустя»

1

Странно, но прежде всего вспомнилась почему-то дверь, аккуратно обитая желтой клеенкой, с беленькой кнопочкой электрического звонка. И едва он прикоснулся к кнопке, дверь моментально открылась, словно его ждали. На пороге стоял мальчуган, белобрысый, с коротко остриженной головой, с облупившимся от ветра носом, с глазами темно-синими, веселыми и озорными, в длинных и пушистых ресницах.

– Вам кого? – весело и дружелюбно спросил мальчуган.

– Летчик Косаговский здесь живет?

– Здесь. – Мальчуган посмотрел на зеленые петлицы с красной «шпалой». – Вы, значит, пограничник, товарищ капитан?

– Так точно! – шутливо вытянул капитан руки по швам. – А ты кто таков, добрый молодец?

– Сережа Косаговский.

– Сын Виктора Дмитриевича?

– Нет, – засмеялся Сережа. – Виктор мой брат. Входите, товарищ капитан. Витя дома, – посторонился он в дверях.

Но пройти капитану мешала собака, сидевшая рядом с Сережей. Хорошая собака! С черной блестящей короткой шерстью, узкой мордой, широкой грудью бойца и смелыми, бесхитростными глазами. Ее словно вымазанный в саже, лоснящийся нос морщился от удовольствия. Наклоняя голову то вправо, то влево, собака внимательно рассматривала нового человека. Видимо, она любила новые знакомства.

– Твоя или братова? – спросил капитан.

– Моя. Я Женьку месячным щенком выменял у одного мальчишки за коллекцию марок. А марки знаете какие были? Аргентина с парусником, Аден с верблюдом и французская Гвиана! На тренировку его вожу в клуб служебного собаководства. Женька уже многие команды выполняет.

– Доберман-пинчер? – пригляделся к собаке капитан.

– Что вы! – засмеялся Сережа. – Типичная дворняга. Уши лопухом, хвост крючком.

Хвост у Женьки действительно подгулял: не был отрублен, как положено доберману, и завернулся кренделем.

– Точную справку дам, – донеслось из глубины квартиры. – Обман-пинчер! Слыхали о такой породе?

Капитан поднял глаза. В передней стоял, широко расставив ноги, высокий стройный человек. Капитан успел разглядеть лишь темно-синие, как и у Сережи, глаза в таких же длинных и пушистых ресницах да еще буйные белокурые волосы, свисавшие на лоб.

Капитан мягко шагнул в переднюю. Он был в легких летних брезентовых сапогах.

– Капитан Ратных, Степан Васильевич.

Летчик поправил накинутый на плечи синий китель гражданской авиации и протянул руку.

- Очень приятно. Проходите в комнату. Садитесь. Чем могу служить, капитан?
- Ваш самолет – борт № 609? – Капитан говорил с протяжным сибирским оканьем.
- Предположим.
- Возьмите меня, Виктор Дмитриевич, на ваш самолет. Прихватите, как говорится, на попутной.

- А поллитровка за левачок будет? – улыбнулся летчик.
- Как полагается! – улыбнулся и Ратных.

Оба посмеялись, но скупое, осторожно прощупывая друг друга взглядами. И сразу понравились друг другу.

- Почему такая спешка? – продолжая улыбаться, спросил Косаговский.
- Обязан быть немедленно на заставе.

Летчик стал серьезным.

- А вы знаете, с каким грузом я лечу?

– Знаю. Груз неприятный, взрывчатка. И в случае чего... из нас рубленая колбаса? – Капитан снова засмеялся. – Но я все-таки с вами полечу, если возьмете.

– Без детонаторов взрывчатка не взорвется, а капсули мы не берем. Запрещено их вместе перевозить. Только я лечу до Балашихи, до базы Взрывпрома. А от Балашихи до границы еще черт-те сколько!

- От Балашихи я своими средствами доберусь.

– Тогда так! – Косаговский потер бритый подбородок. – Я не возражаю, но и разрешить не могу. Просите ответственного дежурного по аэродрому.

– Был уже у него. Вот письменное разрешение... Батюшки! А это у вас откуда? – Капитан удивленно смотрел на стоявший в углу широкий меч в лакированных ножнах с длинной рукоятью без гарды. – Это же японская офицерская сабля. Самурайский меч!

- Это Сережкино оружие. Он им лопухи и крапиву беспощадно рубит.

- Витя его с Халхин-Гола привез! – гордо сказал Сережа.

- Вы халхинголец?! – воскликнул капитан. – Где воевали?

- На Баин-Цаганском плацдарме. На бомбардировщиках.

- Северо-восточную переправу вы бомбили?

- Было такое дело.

– Видел ваш удар. Блиндажи дыбом, артиллерийские позиции дыбом! Самураям даже омомори не помогли.

– Вот вам и омомори, – снял Косаговский с этажерки крохотного бронзового идола. – На каждом самурайском самолете их по десятку висело.

- Выходит, мы с вами фронтовые товарищи? – Капитан любовно посмотрел на летчика.

– Выходит, так, – весело ответил Косаговский. – Вы, я вижу, меченый. Где? На границе? А может быть, там?

Ратных потрогал правое ухо, сморщенное, будто завязанное в узелок. От уха шел к глазу шрам.

- Там, в степях, около озера Самбурын. В тылу Южной группы.

- В тылу? Ах да, вы же пограничник. И вам работа нашлась?

– Работы по горло было. Вместе с самураями полезли в драку и белогвардейцы-эмигранты. В тылах нашей Южной группы появилась диверсантская конная банда Колдунова, бывшего унгерновского ротмистра. Ликвидировать Колдунова послали сводный конный отряд; в него входили эскадрон пограничников и эскадрон монгольских цириков. Этим отрядом я и командовал. Загнали мы колдуновскую банду в камыши озера Самбурын. Сидят они там и постреливают. У них богато ручных пулеметов было. Надоела нам эта волынка, и подожгли мы камыши. Вылетели колдуновцы в степь – мы им навстречу. Сшиблись! Большинство колдуновцев на месте лежать осталось, но и наших полегло немало. А мне с самим

Колдуновым схлестнуться пришлось. Сначала Колдунов налетел на меня, выстрелил из маузера. Целил он мне в голову, да чуть промахнулся. Только вот корноухим меня сделал. А я его саблей достал. Рубанул! Но все же он ускакал, только маузер свой потерял.

Ратных замолчал. Молчал, задумавшись, и летчик. Перед глазами их стелилась желто-серая монгольская степь, горели над нею тревожные полосатые закаты, мутный Халхин-Гол извивался между сопками, и посвистывали тоненько под ветром речные камыши. А на горизонте высился мрачный массив Большого Хингана.

– Да, два года прошло, а все еще стоит в глазах Монголия! – задумчиво произнес наконец Косаговский. – Давайте-ка, Степан Васильевич, раздевайтесь, чаю попьем. Сережа, живо чайник на плиту!

– Только, чур, без меня про войну не рассказывать! – взмолился Сережа и помчался, подпрыгивая, на кухню.

Женька, трепыхая ушами, побежал за ним.

2

Когда гость расположился на уютном диванчике, Косаговский сказал:

– По всему, по фамилии и по оканью, видно, что вы, Степан Васильевич, сибиряк.

– Коренной сибиряк! Чистокровный гуран¹, забайкалец. Прадеды мои из тех ратных людей, что со славным землепроходцем Василием Поярковым пришли и обжили дикие земли на рубеже с Поднебесной империей.

– А я белорус. Сюда вот военная служба занесла.

Ратных кивнул головой и посмотрел на часы.

– Запоздывает что-то мой дружок! Виктор Дмитриевич, вы уж простите нас великодушно за бесцеремонность: мы с Федором Тарасовичем Птухой договорились у вас встретиться.

– А, мичман! Летал он со мной на Балашиху. Перевозил взрывчатку. И в этот рейс летит.

– Ну да. Он-то мне и посоветовал обратиться к вам.

– А где вы с ним познакомились?

– На Халхин-Голе. Он тоже там порох нюхал.

– А я и не знал! – весело воскликнул летчик. – Ну и счастливый сегодня день. Собирается боевое братство! Он тоже пограничник?

– Нет, он бывший мичман Тихоокеанского флота. Так сказать, пенитель моря! По специальности минер-торпедист. А познакомился я с ним в Баян-Бурде, в полевом хирургическом госпитале.

– Подорвался?

– Не то чтобы подорвался, а руку себе покалечил. Помните единственный понтонный мост японцев через Халхин-Гол? В июле, во время большого наступления противника, мост этот мы взорвали. Для этой операции прислали минеров Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Мичман в чем-то чуток просчитался, и ему доской, как топором, отрубило два пальца левой руки. – Капитан поднял левую руку и показал, какие пальцы оторвало мичману. – В Баян-Бурде, в госпитале, он закатил такой скандалчик, что я невольно обратил на него внимание. Врач ему говорит: «В Читу вас завтра эвакуируем. Вы теперь к строю негодны, у вас двух пальцев недочет». Эх, как взвился мичман! «Для моего минерского дела, говорит, и трех пальцев хватит! Перевяжите меня поскорее, и я пойду. Мне в команду спешно нужно. У нас сегодня сапоги выдают».

– Выписали? – заинтересованно спросил Косаговский.

¹ Гуран – лесной козел.

– Нет, конечно. Но и в Читу не отправили. Два раза, когда транспорты формировались, он прятался. Махнули на него рукой! Койки наши в юрте рядом стояли, а на госпитальных койках соседи, сами, поди, знаете, либо надоедают друг другу до чертиков, либо дружбу заводят. Вот мы и подружились с Федором. Хороший мужик!

– А теперь он снова на взрывной работе?

– Снова. «Не могу, говорит, бросить свое веселое ремесло».

– Вот именно «веселое»! – подхватил Косаговский. – Вы заметили, Степан Васильевич, что люди опасных профессий всегда влюблены в свою работу. Возьмите водолазов, верхолазов, шахтеров...

– Летчиков! – подмигнул Ратных.

– А какая у меня опасность? – искренне удивился летчик. – Обыкновенный воздушный ломовик.

Сережа принес из кухни чайник.

Наливая капитану крепкий коричневый чай, Косаговский застенчиво улыбнулся:

– Правда, в нашей работе всякое бывает. Авиация у нас легкомоторная, местного значения и специального назначения. А это значит, в любую щель обязаны пролезть и на пятачке приземлиться.

– Значит, и вынужденные посадки бывают, и аварии, и блуждания по дикой тайге?

– Вообще-то бывают, но очень редко. Вот у меня случай был. Летел я по незнакомой трассе, над сопками, и хвост самолета зацепился за стланик на вершине сопки. С этим украшением я и прилетел на аэродром. Знаете, как мне влетело за это от начальника отряда? Легче на вынужденную идти!

Виктор откинул со лба волосы и засмеялся, по-ребячьи сморщив нос.

В передней раздался звонок.

– Это Птуха, – сказал капитан.

Сережа помчался открывать.

3

Дверь в переднюю Сережа не закрыл, и видно было, что вошел человек в черном клеенчатом реглане и мичманке с узеньким нахимовским козырьком, сухой, мускулистый, подбритый и до краев налитый веселой, звонкой силой. Были в нем та подтянутость и щеголеватая точность, тот необъяснимый флотский шик, который свойствен только военным морякам.

Сережа замер от восторга. Восторг его дошел до предела, когда Птуха снял реглан, а под ним оказался морской китель с якорьками на золотых пуговицах и со значком торпедиста на рукаве – красной морской торпедой в золотом круге. Не смог моряк – духу не хватило – сменить китель, реглан, мичманку, пусть без «краба» и без кокарды, на ничем не примечательные пиджак и кепку, не смог спороть доблестный значок торпедиста. Достаточно и того, что спорол он четыре мичманских галуна, следы которых еще видны были на рукавах.

Блестя цыганскими, с синеватыми белками глазами, он спрашивал Сережу с напускной строгостью;

– Штык-болт крепить умеешь?

– Не умею, – смущенно сопанул носом Сережа.

– А рифовый узел вязать можешь?

– Не могу. Научите?

– Об чем речь? Обязательно!

Войдя в комнату, мичман обратился к Косаговскому:

– Извините, Виктор Дмитриевич, что незваный пришел, да еще и товарищу капитану ваш адрес дал.

– Не извиняйтесь, Федор Тарасович. Хорошо сделали, что пришли. И с товарищем капитаном был рад познакомиться. Вы, оказывается, тоже халхинголец?

– Так точно! И вы там дрались? – Он посмотрел на стаканы с чаем и сокрушенно вздохнул: – Боевые товарищи при встрече пьют чай! Ну и ну! Просто кошмар! Одну минуточку! – Он вышел в переднюю, покопался в кармане реглана и, вернувшись, поставил на стол бутылку. – Вот. Одесский коньяк, сестренка прислала. Где у вас штопор, Виктор Дмитриевич?

– Вы одессит? – спросил Косаговский.

– Мне просто смешно! Разве это не видно с первого взгляда? Чистокровных одесситов, кроме меня, только три: дюк², Беня Крик и Леонид Утесов. Я, собственно, с Большого фонтана, рыбак. Фонтанский – весь зад в ракушках! Так нас дразнят. Ну, будем! Дай боже и завтра то же! – поднял мичман первый свою рюмку. – За святое боевое братство!

– Взрывником работаете? – морщась от выпитой рюмки, спросил Косаговский.

– Да. Списали меня на бережок. Оверкиль у мичмана Птухи получился. – Он поднял левую руку и задумчиво, грустно посмотрел на оторванные до первых суставов пальцы. – Но ничего, не унываю. На взрывном деле, как и на борту, тоже морская разворотливость нужна. Дело не скучное! Дырочку в камне просверлишь, взрывчаточку заложишь и стукнешь! Далеко нас слышно.

Сережа, нетерпеливо ерзавший на стуле, навалился на стол локтями и весь подался к мичману.

– Товарищ мичман, вы давно взрывником работаете?

– Ты, малец, меня дядей Федей зови.

– Хорошо, дядя Федя.

– Не хорошо, а есть! Вот как надо отвечать.

– Есть, дядя Федя! – гаркнул весело Сережа.

– Молодец! А на взрывчатке я второй год сижу, – старательно жуя колбасу, объяснил Птуха.

– И ничего?

– И ничего.

– А если ошибка?

– Ну тогда...

– Что тогда?

На лице Птухи собрались под глазами хитренькие и веселые морщинки.

– Тогда выговор в приказе. С предупреждением.

Сережа недоверчиво улыбнулся:

– А по-настоящему?

– А по-настоящему – тогда от взрывника совсем пустяки останутся. В патронную сумку можно собрать.

Сережа даже присвистнул.

– Надо же!..

– Н-да, профессия! – покачал головой Косаговский.

– Профессия как профессия! – пожал плечами мичман. – Горячий цех, не больше. Точность и расчет требуются.

² Так одесситы называют памятник на Приморском бульваре герцогу Ришелье.

Глава 3

Разговор о романтике

*Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют!*

П. Коган

Сережа о чем-то глубоко задумался. К нему подошел Женька, ткнул носом в колено, выпрашивая что-нибудь вкусное со стола.

Сережа сунул ему кусок сахара. Пес захрустел, блаженно жмуря глаза.

– И почему это собаки сосать не умеют? – вдруг озадаченно спросил Сережа. – Сахар лучше сосать, а он, дурак, грызет.

Потом опять устался в стол, выпятил в раздумье нижнюю губу, потрогал ее пальцем и сказал нерешительно:

– Может быть, мне в взрывники податься?

Косаговский засмеялся, взъерошив волосы на голове брата.

– Сознайся-ка: куда ты только не подавался! Первое твое решение, помню, пойти в пираты, под черным флагом плавать.

– А чем плохо? – вскинул Сережа темно-синие глаза. – Сидишь на баке, пьешь ямайский ром, трубочку покуливаешь. А увидишь на горизонте парус, кричишь: «Купец на левый крамбол!»

– Какой купец? – удивился Ратных.

– Презренная купеческая посуда, набитая шелками и сандаловым деревом, – ответил Сережа. И закричал воодушевленно: – На абордаж, карамба!

– Не кричи, пират! – остановил его Виктор и продолжал: – А подросток – в летчики собрался, потом в подводники, потом в парашютисты. Еще куда? Ах да! На Аляску хотел бежать, золото мыть.

– На Алдан, а не на Аляску.

– Пускай на Алдан. А притащил Женьку в дом – твердо решил в пограничники идти. Вместе с Женькой, конечно.

– А что? – задирчиво спросил Сережа. – Вы думаете, товарищ капитан, Женька хуже Джульбарса будет работать? Ого!

– Думаю, что не хуже, – серьезно ответил капитан.

– Фантазер ты, брат, и романтик, – обнял мальчика Виктор.

– Это не плохо, – мягко сказал Ратных. – Романтика всегда там, где жарче всего.

– Он меня со своей романтикой в гроб вгонит, – сказал Виктор. – То с крыши с теткинм зонтиком прыгнул и руку вывихнул, то чуть пожар дома не устроил – самодельную мину взрывал, то на Алдан побежал, с милицией вернули. Минуты на месте спокойно не посидит. Хочу его на летние каникулы к тетке отправить. Она сейчас в таежном селе Удыхе, за сушеными грибами и медом поехала, это рядом с Балашихой. Хотел его на своем самолете подбросить. Но теперь... с таким грузом...

– Ничего страшного! – Мичман поднялся со стула. – Эта взрывчатка – особый скальный сорт. Похожа на замазку или глину. Можно мять ее, лепить, жевать и даже глотать. У нас однажды медведь целый ящик такой взрывчатки сожрал. В огонь можно бросать, а в воде годы пролежит. Умница взрывчатка! Безопасная, как детская игрушка.

– Вот! А у тебя вечно нельзя да нельзя, – осуждающе посмотрел на брата Сережа.

– Ну посмотрим, посмотрим! – примирительно сказал Виктор. – Ты, Сергей, на всякий случай вещички свои собери.

Ратных поднялся и пошел за Сережей в его комнату.

Сережа отфутболил подвернувшуюся под ноги консервную банку с застывшим столлярным клеем и с усилием выволок из-под кровати большой ящик. В нем были сложены бесценные сокровища. Водопроводный кран без ручки, ножовка с обломанными зубчиками, старые автосвечи, подкова, масленка, штыри, велосипедный насос, подфарник с разбитым стеклом, колесо швейной машины, винты, ролики, моток проводов.

– Электрический паяльник буду делать, – указал Сережа на провода.

– Сожжешь пробки, влетит тебе от брата! – сказал капитан.

– Мне и так каждый день влетает.

– Большие у тебя сокровища. А брат видел? Не выбросит их?

– Виктор не выбросит, а вот тетя Лида, если увидит, выбросит. Она же в технике ни бум-бум... Вот стекло нашел. Положительная собирающая линза. Возьму с собой, пригодится.

В передней громко хлопнула входная дверь.

– Кто это? – удивился Сережа и двинулся в столовую.

Ратных пошел за ним.

Косаговский стоял у окна и вглядывался в темноту.

Мичмана в комнате не было.

– Ушел? – удивленно развел руками Ратных. – Ничего не понимаю.

– Дядя Федя на улице! Идите сюда, посмотрите! – крикнул Сережа от окна.

– Эге! А мичман-то не один, – поглядев в окно, сказал капитан и потушил свет в комнате. Так лучше было наблюдать за улицей. – А кто этот прыгун, не знаете, Виктор Дмитриевич?

На противоположной стороне улицы высокий, тонкий как жердь человек, упершись подбородком в грудь, то набегал на мичмана, то отскакивал, нелепо подпрыгивая.

– Первый раз вижу такого, – ответил Косаговский.

– Это Памфил-Бык! – плюща нос о стекло, оживленно сказал Сережа.

– Памфил-Бык? Что это за зверь? – удивился капитан.

– Его все мальчишки в городе знают. Он то появится, то пропадет. Разные старухи богомолки говорят, что он в тайгу уходит Богу молиться. Старухи говорят, что он святой, юродивый. Про юродивых я читал. Они в древние времена жили. Верно?

– Верно, – ответил не сразу, думая о чем-то своем, капитан. – Но, оказывается, юродивые и в наше время живут. Надо с ним познакомиться. Пошли, Виктор Дмитриевич?

– И я, и я! – закричал Сережа.

Он первым очутился за дверью. Но его обогнал Женька, мчавшийся с лестницы вниз головой.

Глава 4 Юродивый

Чу! шум. Не царь ли?

Нет; это юродивый.

А. Пушкин, «Борис Годунов»

Увидев подходивших капитана и летчика, Птуха двинулся навстречу.

– Это мой старый знакомый. Я его, жлоба, не раз на нашей трассе видел, – тихо сказал он капитану.

– На трассе? – быстро спросил капитан.

– Военно-стратегическую дорогу строим, а он на трассе божественную комедию ломал. Молитвы пел, народ собирал, чудеса показывал.

– Чудеса? Какие чудеса?

– Иголку с ниткой через щеку продергивал, грудь шилом прокалывал. Факир, бодай его в брюхо! А рабочие, особенно деревенские из глухих углов, и бабы носами хлюпают: «Блаженненький!.. Святой, к Господу причаенный!.. Чудотворец!..»

– А что ему на трассе нужно было?

– А я знаю? Вышиб я его с трассы и пообещал: если еще раз увижу – в землю по плечи вобью! А сейчас, гляжу из окна, он в тень прячется и на дом Виктора Дмитриевича пялится.

– Пойдем поприветствуем его, – двинулся капитан.

Юродивый стоял, прижавшись к стене, прячась в тень.

– Уважаемый публикум! Рекомендую! Факир Шаро-Вары! – сердито, но тоном циркового шталмейстера провозгласил мичман.

Косаговский включил карманный фонарь. Из темноты выступило иконописное темное, изможденное лицо с узенькой бороденкой, стекавшей со щек. Блеснули пустые, словно стеклянные глаза. Памфил-Бык стоял сбычившись, уперев в грудь подбородок. Когда-то нож, а может быть, пуля или сабля резанули его по горлу. Рана заплыла безобразным шрамом, красным и бугристым, как петушиный гребень. Шея онемела, подбородок оказался притянутым к груди; голову юродивый поднять уже не мог. Он стал походить на бодающегося быка, за что и получил свою кличку. Одет он был в рваное пальтишко, подпоясанное веревкой, вместо шапки повязался по-бабьи грязным белым платком, на ногах – валяные опорки. Он опирался обеими руками на длинную и толстую дубину со свинцовым набалдашником в кулак величиной.

Подошедшие к нему молчали; молчал и он, блестя своими «стеклянными» глазами.

Капитан почувствовал вдруг, что юродивый пристально вглядывается в него. В это время Женька заскакал вокруг юродивого с заигрывающим тьяканьем. И будто бы отбиваясь от собаки, Памфил-Бык, перехватив дубину за нижний конец, с силой размахнулся ею вкруговую. Круто загудел воздух. Испуганно вскрикнул невидимый в темноте Сережа. Свинцовый набалдашник просвистел близко от головы капитана.

– Осторожнее размахивай, гражданин, – спокойно сказал капитан. – Ты кто такой?

Памфил-Бык ухмыльнулся широко, бессмысленно.

– Асиньки? Я кто? Я Памфилка, дурак присноблаженный, глупомудрый. Вот я кто. – Он заморгал часто, подпрыгнул высоко и завопил хрипло: – Христа зарезали!.. Богородицу-матушку зарезали!.. Ой, жалко!

– Заткни кран! – гаркнул, как на палубе, мичман. – Что здесь потерял? Что высматриваешь?

Юродивый и ему ответил ангельской, миролюбивой улыбкой.

– Асиньки? – и закрестился вдруг испуганно. – Узнал! Узнал тебя!.. Ты Богородицу зарезал!.. Боюсь! Ты Памфилку-дурака зарежешь... Боюсь! – захныкал он, тыча пальцем в лицо мичмана.

– Ша! Чтоб тихо было! – шагнул Птуха к юродивому и поднес к его носу кулак. – Чуешь? Увидишь небо в алмазах!

В глазах Памфила мелькнула осмысленная злоба.

– Не дуй в улей, без глаз останешься, – тихо, угрюмо проговорил он. – Не ровен час; сегодня – нас, завтра – вас.

– Чеши отсюда на полусогнутых, пока цел! – снова двинулся мичман на юродивого.

А Памфил уже уходил, подскакивая и вопя хрипло церковный напев:

Волною морскою, скрывше древле,
Гонителя, мучителя под водою скрывше...

Его не было видно, но из темноты все еще доносилось со злобой угрозой:

Гонителя... мучителя...

Капитан молчал, сунув руки в карманы шинели, о чем-то упорно думал.

– А, гори они синим пламенем, эти факиры и малохольные юродивые! – вдруг зло сказал мичман. – Шатаются тут! И чего милиция смотрит? Потопаю я. Выспаться надо. Завтра рано полетим. Давай руку, Сережа.

Даже по звуку шагов мичмана можно было понять, что он очень сердит и очень чем-то недоволен.

Глава 5 Граница

*Я нынешней ночью
Не спал до рассвета,
Я слышал – проснулись
Военные ветры.*

М. Светлов, «Перед боем»

1

Косаговский предложил капитану ночевать у него, а не в командирской гостинице пограничного отряда. Виктору хотелось послушать рассказы капитана о жизни на границе. Ратных охотно согласился.

Едва вошли они в маленький кабинетик летчика, капитан подошел к телефону.

– Разрешите? Позвоню куда следует. Доложу о присноблаженном Памфиле-Быке. Не нравится мне этот юродивый: что-то фальшивое в нем и ведет себя подозрительно.

Капитан поднял трубку, а Виктор деликатно вышел, притворив дверь. Когда он вернулся, Ратных бесшумно ходил по комнате, заложив руки за спину. Лицо его было мрачно и озабоченно.

По коридору, подпрыгивая, промчался умыться Сережа.

Капитан улыбнулся:

– Шустрый он у вас, как чижик. Не ходит, а бегаёт вприпрыжку. Торопится, как бы без него что-нибудь интересное не случилось.

– Бедовый слишком. Но коли созорничает, не отопрется, душой не покривит. Не возьму его все же завтра в рейс.

– А где ваши родители?

– Мама умерла, когда Сереже шесть лет было, а через два года и отец погиб при катастрофе. Он был паровозным машинистом. Живём втроем, с тетей Лидой, маминой сестрой.

Опять промчался с подскоком Сережа. Виктор остановил его около дверей:

– Покажи руки. Чистые. А шея? Молодец. Марш спать! Завтра можешь спать вволю. Отвезу тебя следующим рейсом.

Сережа посмотрел на брата исподлобья.

– Все равно полечу завтра, – сказал он упрямо и пошел к себе.

– Не валяй дурака! – крикнул ему вдогонку брат.

Сережа не ответил.

Слышно было, как он свирепо колотил подушку, укладываясь спать.

– А вы, товарищ капитан, наверное, женаты? Дети есть? – спросил Косаговский.

– Нет, холост. Вот прикипел к вашему Сережке.

2

Капитан и летчик закурили.

– Вы говорили, Степан Васильевич, что спешите на заставу, – прервал молчание Косаговский. – Что-нибудь тревожное?

– У нас всегда тревожно. Слышали о Братстве русской правды³?

– Был судебный процесс этого Братства. В газетах читал. Пойманы на границе как шпионы и диверсанты.

– О них я и говорю. Вертит Братством японский разведчик майор Иосси. Матерый волк доихаровской школы⁴. Братчики, не таясь, называют себя русскими фашистами. Носят форму – черные косоворотки и желтые шарфы с длинными концами. Есть у них и партийные значки. Штаб Братства находится в Харбине. Существует организация на деньги японской разведки. Братчики сформировали три конных полка: Хайларский, Сунгарийский и Харбинский. По сути дела, это банды диверсантов, шпионов и террористов. Расселены по границе, в поселках. Днем пьянствуют, русские песни поют, кричат через границу: «Мы здесь на временном жительстве! Скоро вернемся, тогда пощады не ждите!» А ночами паскудят, лезут через границу.

– Рано утром вы будете на Балашихе, – успокоил его Косаговский.

– Да хорошо бы. Есть, говорят, у них в Харбинском полку офицер Колдунов.

– Колдунов? – удивился летчик. – Не тот ли, что вам ухо изуродовал на Халхин-Голе?

– Вот я и думаю – не он ли? – Ратных взволнованно прошелся по кабинету и снова присел к письменному столу. – Через границу харбинцы обычно прорываются с боем, крупными бандами. Японцы поддерживают их огнем с маньчжурской стороны. А если прорыв удался, они на нашей территории распыляются и действуют небольшими группами в два-три человека. Называется – москитная тактика. И вот что загадочно: возвращаются они в Маньчжурию тоже небольшими группами, и бывает, что некоторые из них несут рассыпную платину. Сначала они пушнину таскали, последние два года мы перехватываем платину. И такую платину, какую никто еще в Золото-скупку не сдавал: обработанная, обкатанная, аллювиальная. Мало того – крупная, отборная, каждое зернышко хоть в рукавицах бери! Специалисты говорят, что платины такой высокой пробы нет на окрестных государственных приисках. Откуда они берут ее? Платину эту мы обнаружили в одежде нескольких убитых братчиков. Раненых они добивают, чтобы не раскрыли тайну прииска. Характерно, что переносчики платины всегда чахары⁵. Их не мало в полках братчиков. Одеваются они, как наши буряты: халат с вышивками застегивается на правую сторону. Удобно для маскировки.

– Найдут этот таинственный прииск, – сказал Косаговский, положив ладонь на крепко сжатый кулак капитана.

– Конечно, найдут. Но у нас в Сибири есть места, где не бывал еще человек. Возьмите, например, болота в междуречье Оши – Иртыша. Ни проехать туда, ни пройти. Никакой Макар туда телят не гонял. Недаром же топографы и геологи называют эти места «язвой планеты». Да чего больше, совсем недавно, в 1937 году, недалеко от нас, в Приамурье, открыт целый горный хребет – Баджальский. Целый хребет, шутка сказать! А четыре года назад его и на картах не было. Немало еще тайн хранит наша матушка Сибирь. Но это последние тайны. Я сибиряк и твердо знаю, что скоро исчезнут у нас «белые пятна», «язвы планеты», «ненаселенка», как пишут на топографических картах крупного масштаба.

Ратных потискал нервно подбородок.

– Рассказывали мне знающие люди, что у нас в Забайкалье есть подозрительный район. Целая болотная страна. Туда скоро будет направлена комплексная экспедиция.

Капитан устало зевнул и потянулся всем телом.

³ Братство русской правды (БРП) – эмигрантская белогвардейско-фашистская организация, активно сотрудничавшая с военной разведкой императорской Японии. Центр БРП был в Маньчжурии, в Харбине.

⁴ Генерал Дояхара – крупнейший организатор японского шпионажа против СССР на Дальнем Востоке.

⁵ Чахары – монгольское племя. Живут во Внутренней Монголии, автономном районе Китая.

Косаговский пошел за постельными принадлежностями и остановился на минуту у висевшего на стене отрывного календаря.

– День прожит! – сказал он, срывая листок. – Вечно удивляешься, как летит время. Здесь кроссворд есть, – посмотрел он на обратную сторону листка и сунул его в карман кителя. – В Балашихе придется посидеть, ждать разгрузки. Вот и буду решать.

3

Утром, еще в темноте, завтракали на кухне, чтобы не разбудить Сережу. А когда засигналил на улице пришедший за летчиком аэродромный автобус, в переднюю пошли на цыпочках и одевались бесшумно.

Город еще спал. На всей Забайкальской улице только в одном окне горел свет. Виктор открыл дверцу автобуса, поднял ногу на подножку и попятился. В автобусе сидел Сережа. Ватный его пиджачок был туго запрясан офицерским ремнем, подарком брата; на ремне висела большая полевая сумка, тоже брата подарок, а на голове – третий подарок брата, старый летный шлем. У ног его лежал Женька.

– Вот это будь здоров! И даже в полной штормовой амуниции! – сказал с сарказмом Виктор. – Далеко собрались, Сергей Дмитриевич?

– В Балашиху. С тобой, с дядей Федей, с товарищем капитаном.

– Далеконько. А ну, марш домой! Снять амуницию, ложиться спать! – строго свел брови Виктор. – По случаю воскресенья можешь сходить в кино на утренний сеанс.

– Сам иди в кино на утренний сеанс!

– Сергей! Разговорчики на левом фланге.

Сережа вскинул голову упрямо и вызывающе.

– Ты слово не удержишь! – взволнованно и нажимисто сказал он. – Ты дал мне слово взять меня в полет? Дал?

– Ты уже летал, и не раз.

– Ну это что за полеты! Над аэродромом. Карусель, а не полет.

– Виктор Дмитриевич, – неуверенно вступил в разговор Ратных, – возьмем Сережу, а?

Виктор посмотрел на замершего мальчугана и надвинул ему шлем на нос.

– Полетишь, шут с тобой!

Сережа схватил брата за руку и запрыгал.

– Вик, ты такой брат, такой брат... ну, прямо!.. И вам, товарищ капитан, спасибо-пре-спасибо!

– погоди! – остановил его брат. – Обман-пинчер тоже собрался лететь?

– У нас с Женькой на все одинаковая точка зрения.

Женька, видимо, понимая, что разговор идет о нем, улыбался Виктору во всю морду, все зубы на виду, а нос набок.

Потом подсунул голову под ладонь летчика.

– Подхалим! – сказал Виктор и дернул Женьку за ухо.

Глава 6

Прогноз погоды

*Походил Илья на конюший двор,
Седлал своего коня доброго,
Тянул двенадцать подпруг шелковых,
Белого шелка шемаханского.*

Былина об Илье Муромце

1

Сережа не раз бывал в аэропорту, и его всегда волновал и басовитый гул моторов – мужественная песня дальних странствий, и запахи бензина, масла, краски – особенные, зовущие запахи летного поля, волновали и воздушные корабли, то в стремительном разбеге отрывающиеся от земли, то устало идущие на посадку. И он люто завидовал пассажирам: закутанным в меха олениводам из приморской тундры, морякам-тихоокеанцам, инженерам таежныхстроек, темнолицым от зимнего загара геологам, даже обычным скучным командированным, – и они, размахивающие потрепанными портфелями, полетят в тайгу, в тундру, в горы или на морское побережье, в промыслово-охотничий колхоз, на золотой прииск, в геологическую партию или в морскую рыбацью бригаду.

– Идите к самолету, – сказал Косаговский капитану и Сереже, – а мне надо разрешение на Сережкин полет получить и взять прогноз погоды.

Самолет Косаговского № 609, из семьи прославленных «Антонов», стоял на рулевой дорожке.

Мичман Птуха, увидев подходивших, озорно прищурился:

– Ха! Смотрите на него, таки своего добился! Я же говорил – Сережа еще тот парень. Тю, и Женька здесь! Полный порядок на палубе.

Капитан посмотрел на двух красноармейцев, стоявших около самолета.

– Вы охрану вызвали, мичман?

– Еще вчера вечером. Вертятся тут всякие факиры, целуй их собака в нос!

– Умно сделали, Федор Тарасович! Покажите нам ваше хозяйство.

В кабине самолета невысокими аккуратными штабелями лежали длинные плоские ящики со взрывчаткой. Вид у них был самый мирный, их можно было принять за ящики с консервами или конфетами, если бы не крупные надписи на красных наклейках: «Внимание! Взрывоопасно!» Пол кабины устилал войлок, и между штабелями ящиков – прокладки из войлока.

И все это было умело, по-морскому принаитовлено к бортам.

– А горшки с цветами – тоже ваше хозяйство? – указал Ратных на глиняные горшки с фикусами, стоявшие рядом со взрывчаткой.

– Морока мне с этими цветочками! – сердито проворчал Птуха. – Наказ балашихинских бабенок. Привези им обязательно такие, лопухие. Особо ценный груз! Беречь, не трясти, не бросать, не кантовать. Кошмар!

– Цветочки – пустяк, – сказал незаметно подошедший Косаговский. – А я вот в тайгу ореховый буфет тащил, на сто пятнадцатую стройку. Не понимаю, как он в горловину люка влез. И в тайге по-человечески жить хотят.

- И футбольные мячи везете? – потянулся Сережа к двум мячам, висевшим под потолком. – У вас и футболисты есть, дядя Федя?
– Команда «Тайга»! Класс! – гордо ответил мичман Федор Птуха.

2

Техник, сидевший в пилотском кресле, грел мотор. Самолет дрожал, от винта летели брызги из луж. Увидев летчика, техник снял газ.

– Разрешение на Сережкин полет имею, прогноз тоже получил. Погодка... как сердце красавицы!

– Это как же понять? – спросил капитан.

– Склонно к измене и перемене! Ничего. Добро на вылет имеем. Как движок? – крикнул летчик механику.

– Как зверь работает!

Косаговский любовно посмотрел на самолет, стройный, узкий, но ширококрылый. И как шрамы на лице забияки и искателя приключений, были на самолете рубцы и шрамы: борт вмят, на крыле заплат, шасси, погнутое при вынужденной посадке, выпрямлено ковкой. Всем видом своим самолет будто говорил: из многих передраг я выбрался, не прочь и в новую лезть!

– Характер у вашего «коня», видать, задиристый! – засмеялся капитан.

– Работяга мой «Антошка»! Где хотите сядет, хоть на подоконник, как воробей... Ну, по местам!

Мичман втянул в кабину лестницу и закрыл дверь.

Она захлопнулась мягко и плотно, как дверь холодильника.

И не знал Сережа, что она закрыла от него привычный, будничный мир, а за нею начнется мир необыкновенных, фантастических приключений.

Глава 7 Туман

*Конь осержается, от земли отделяется; скачет выше леса
стоячего, ниже блака ходячего; горы, реки и озера меж ног пропускает,
поля и луга хвостом стилает.*

Сказка

1

Косаговский энергично набирал высоту.

Мотор работал мелодично и чисто, пел высоким дискантом.

Единственная в мире песня, которая никогда не надоедает и не нагоняет тоску. Летели спокойно. Впереди прозрачный круг невидимого винта, а самолет, казалось, подвесили в воздухе на мягких резиновых канатах.

Колеса шасси висели над горами, поросшими темно-зеленой тайгой. Иногда тайгу разрывали речки, сверху дегтярно-черные, но вспыхивающие неожиданно ослепительными искрами. Осколками разбитого зеркала сверкали круглые, как циркулем обведенные, небольшие озерки. Вдруг вдаль открылось большое озеро, огромная водная гладь.

«Почему оно пыльное какое-то?» – подумал капитан.

Ветер переменился, подул откуда-то сбоку, потом совсем упал, потом задул в лоб и снова сбоку, но уже с другого борта. Самолет резко болтнуло. Небо внезапно заволочло тучами. Самолет летел упрямо к озеру, и оно появилось совсем рядом, под крылом. На озере бушевала буря. Она тянулась к самолету черными щупальцами. Птуха, сидевший позади капитана, приблизил губы к его уху и крикнул:

– Смотрите, товарищ капитан! Ох, зальет нам сала за шкуру!

Из мутной мглы, метавшейся над озером, медленно поднялся бешено вертящийся гигантский столб. Он тянулся все выше и выше, дотянулся до низких, быстро летящих туч и уперся в них. И другие черные, изогнутые ветром смерчи вставали над озером; их расплывающиеся вершины тоже подпирали низкий и мрачный небосвод. Самолет летел меж этих черных колонн, то и дело резко сворачивая от них в сторону.

Неожиданно хлынул дождь, крупный проливень. Теперь казалось, самолет не в воздухе летит, а плывет под водой. Стекла иллюминаторов закрылись сплошными водяными потоками, и не видно было, где они летят: над горами, тайгой или их занесло уже в степи Монголии.

2

Самолет круто пошел вверх, но провалился, словно обессилев, и задрожал испуганно. Удары ветра то пинали его по-прежнему в бок, то задирали хвост. Иногда эти удары были такими яростными, что самолет едва не переворачивался навзничь, и тогда управление вырывалось из рук летчика. В зеркальце наблюдения за кабиной отражалось лицо Виктора, и капитан видел его сжатые губы, глубоко прорубившиеся морщины в углах рта и мелкие бусинки пота на лбу. Капитан наклонился к форточке и крикнул:

– Где мы летим, Виктор Дмитриевич? В Балашиху-то попадем?

Виктор помолчал и устало ответил не оборачиваясь:

– Не ручаюсь. Видели, какие ветры нам встретились? Похоже, что сдуло нас с курса.
– Что вы думаете дальше делать?
– Определиться надо, это самое главное. Как выйдем из дождя, попробую сориентироваться.

– И тогда?

– Уточню место и на Балашиху буду пробиваться. – Летчик помолчал и тихо добавил: – Если горячего хватит.

– Есть другие варианты?

– Последний вариант: если нельзя будет определиться, сяду.

– Сядете? Куда? Где?

– Буду искать какое-нибудь селение. Поближе к нему и сядем.

Капитан откинулся от форточки. Птуха высунулся над его плечом.

– Полундра?

– Пока еще нет. Будет полундра – сами заметите. Мичман вздохнул и, покосившись на Сережу, шепнул:

– Напрасно мы салажонка взяли.

«Попробовал бы ты его не взять!» – подумал капитан.

Ливень внезапно прекратился, словно его сдуло назад. Меньше стала и болтанка. Снова ровно и чисто запел мотор. Внизу была тайга.

– Виктор Дмитриевич, живем? – весело крикнул в форточку капитан. – Имеем видимость?

– А что толку от такой видимости? – В голосе Виктора было раздражение – Глазу не за что зацепиться. Попробуйте определиться!

Ратных прильнул к окну. Тайга, тайга, тайга! Таежное море без берегов. Ни приметных горных вершин, ни рек, ни озер, ни дымка над темно-зеленой щеткой тайги. Ратных перешел к другому борту, но и с той стороны было безбрежное таежное море. В это время услышали громкий, злой голос Виктора:

– А, черт! Этого только не хватало. Смотрите вниз!

Птуха и Сережа тоже потянулись к иллюминаторам. А капитан увидел, что от земли поднимаются густые клубы дыма. Но сейчас, взглядевшись, он понял: это туман застилает тайгу. В низинах он разлился синеватыми озерками, повис белесыми космами на деревьях. Он колыхался от ветра, поднимаясь все выше и выше, и поплыл мимо окон самолета, густой, липкий, как клей. И в кабину проникла и прильнула к лицам промозглая, пахнувшая болотом сырость.

Летчик включил крыльевую фару. Впереди возник ослепительный белый экран.

Чуть проступили в тумане крылья самолета. Виктор выключил фару.

Ратных закрыл глаза. Ему вспомнилось: такой же туман застал его в тайге. Мимо костра пролетела большая птица. Ослепшая в тумане, она шаталась из стороны в сторону, задевая то за землю, то за кусты, потом с разлета ударилась о дерево и упала с поломанными крыльями. Так и они будут метаться в тумане ослепшей птицей, пока не встретится гора или дерево. Тогда – взрыв... Сноп огня!..

– Виктор Дмитриевич, а если выше? Может, уйдем от тумана?

– Нельзя. Потолок, – глухо ответил Косаговский. – У нас большой груз...

– Теперь, мичман, кажется, полундра, – тихо сказал Ратных.

– Чувствую. И что с этого будет? – мрачно спросил Птуха.

3

Виктор «выложился», измотался до предела. Ноги затекли, встань – зашатает, а руки оканчивались не пальцами, а ладонями. Пальцев он уже не чувствовал. Сотрясения штурвала отдавались тупой болью в плечах, будто он целый день бил ломом в землю. «Будет где-нибудь конец этому проклятому туману? Не над всей же Сибирью он висит?»

На приборной доске вспыхнула красная лампочка: горячее на исходе. Пора думать о посадке. Пора! Черт! Давно пора! А как сядешь, где сядешь?

И вдруг крылья самолета выступили из тумана и заблестели, словно по ним мазнули огромной кистью с расплавленным золотом. Виктор даже зажмурился. В кабине сразу стало светло и весело, а внизу открылась залитая солнцем земля. Вместе с солнцем пришли покой, безмолвие, будто самолет, подобно кораблю, вошел в гавань, укрывшую его от бури.

Густая тень его стремительно неслась по необъятной равнине, гладкой, без холмов, оврагов, без леса. Идеальная посадочная площадка! Но летчик почему-то отвернул от нее и пошел на запад, где синел горный кряж.

– Ха! Видали? – удивился мичман и не утерпел: на одесский манер пожал плечами и чуть развел руки. – Под нами ровненько, а что мы будем с этих гор иметь? Компот! Разобьемся там.

– Под нами не ровненько, а болото, – сказал Ратных. – И какое еще болото!

Мичман снова припал к окну. Верно! К горизонту уходило бурое, клокастое, как линяющая волчья шкура, замшелое болото. Топь поблескивала «окнами» закисшей, ржавой воды.

Горы, к которым летел самолет, приближались с каждой минутой. Уже видны были отдельные вершины, то голые, с ножевой остротой гребней, то заросшие лесом, похожие на небритые корявые щеки. Этот небольшой кряж из десятка сопok был, видимо, останцем размытых и выветрившихся горных хребтов.

А дальше, за сопками, до самого горизонта стояла матерая, сплошная тайга. Посадочной площадки не было. Виктор решительно нажал педаль управления и развернул самолет обратно к горам. Неужели не найдется там долинки, просто горного ущелья? Виктор напряженно вглядывался в каждую каменную складочку. И вдруг поспешно сбавил газ. Самолет пошел на снижение.

Но разве можно назвать посадочной площадкой узкое ущелье, с двух сторон зажатое в скалах, с третьей – перегороженное тайгой, а с четвертой – обрывавшееся пропастью! Садиться можно было только со стороны пропасти. А не коротко ли ущелье и нет ли в ущелье камней? Дьявол знает, чем это кончится!

Самолет, снижаясь, летел уже над пропастью к входу в темный коридор меж скалами. Эта каменная щель казалась очень узкой, и думалось, что размах самолетных крыльев не уместится здесь. Хотелось чуда: чтобы самолет, как птица, сложил крылья.

Будто пугаясь этой каменной ловушки, самолет медленно приближался к входу.

...Под ногами почувствовался легкий толчок. Самолет коснулся колесами края обрыва и покатился стремительно по ущелью. Черная стена тайги, замыкавшая ущелье, сорвалась с места и помчалась навстречу.

Ратных поднялся со скамьи и ухватился левой рукой за крепления фюзеляжа, чтобы смягчить удар, если он будет. А правой рукой, подняв Сережу со скамьи, крепко прижал его к себе. Мичман, взглянув на них, встал рядом, близко к мальчику, прикрыв его с другой стороны.

Их удивила тишина после многочасового рева мотора и внезапный переход от солнечного дня к сумеркам. Самолет стоял с выключенным мотором в тени ущелья в нескольких метрах от таежных великанов сосен и крупных обломков скал.

В самолете царило молчание. Потом Птуха молча открыл дверь и сбросил железную лесенку. В кабину ворвались запахи таежной прели, воды и размокшей от дождя земли.

Глава 8

Тайга

*Да здоровствует дорога,
Потерянная в лесах.*

Э. Багрицкий, «Искатель»

1

Виктор сел на замшелый обломок скалы и закурил. Эта первая после долгого и тяжелого полета затычка – самая сладкая из всех, которые бывают на земле. Но лицо летчика было мрачно. Он сидел, не поднимая глаз, угрюмо разглядывая на ладонях ребристые отпечатки штурвала. Ратных участливо посмотрел на него и сел рядом. Виктор отодвинулся раздраженно:

– Только не утешайте! За такое гнать надо в шею из авиации! Даже воздушного извозчика из меня не получилось.

– Да бросьте вы! Не полет был, а воздушная акробатика.

– Что – бросьте? – зло крикнул Виктор. – Заблудился вот...

– Диво было бы не заблудиться. И ветры, и дождь, и туман. Все тридцать три несчастья, как у Епиходова. А как вы сумели сесть – уму непостижимо!

– Говорил же я – не самолет, а воробей. На подоконник сядет.

– Я не о самолете говорю.

– А я о нем! – Виктор подошел к самолету и погладил горестно и нежно его крыло. – Какую машину угробил, сапожник!.. К черту! Не оставлю здесь «Антон». В лепешку расшибусь, а вытаску его отсюда.

Виктор начал заботливо и бережно укутывать мотор чехлами. Ратных и Птуха помогали ему.

– Знаки надо разложить, – сказал летчик. – Нас с воздуха будут искать.

– Искать будут, – согласился капитан. – Но кто? Не лучше ли замаскировать самолет, а не знаки раскладывать?

– Понял вас, – после трудного, тяжелого молчания сказал Виктор. – На стыке трех границ живем.

– Кошмар! – вздохнул Птуха. – То ли мы у себя дома, то ли к друзьям в Монголию залетели? А если занесло нас к императору Пу-и и к самураям? Умереть можно от смеха! – мрачно закончил он.

Косаговский вытащил из планшета полетную карту, посмотрел и раздраженно засунул ее обратно.

– Вылетели мы за пределы этой карты. И черт его знает как далеко! – Виктор ударил кулаком по баку. – Слышите? Звенит. Пустой! Мы на последних граммах горячего сели. А куда залетели? Нас с курса на курс гоняло. Компас такую сарабанду выплясывал!..

– Давайте осмотрим для начала это ущелье, – сказал спокойно капитан.

Ратных и Косаговский пошли к пропасти, со стороны которой самолет влетел в ущелье. Дойдя до обрыва, посмотрели вниз. Пропасть насквозь просвечивалась солнцем. Его лучи алмазно блестели в струях небольшого водопада, свергавшегося со скал. Внизу водопад превращался в речку, уходящую в тайгу.

Внезапно до них долетел взволнованный голос Сережи. Он кричал с высокой скалы: – Идите скорее сюда! Карамба! Я озеро открыл. Я – как Арсеньев!

К Сереже пришлось подниматься по каменистой, звонкой тропе. Озеро, небольшое, идеально круглое, лежало как впаянное, вровень с низкими берегами. В сумраке ущелья оно казалось угольно-черным.

– Похоже на кратерную воронку, – подумав, сказал Ратных. – Питается, видимо, подземными ключами. Здесь и рождается водопад.

– Я и название ему уже придумал. – Темно-синие глаза Сережи восторженно сияли. – Озеро Чапаева. Как, подходяще?

– Вполне подходяще, – серьезно ответил капитан. – А где мичман, не видел, Сережа?

– Дядя Федя и Женька по камышам шарят.

– А зачем их в камыши понесло?

– Женька уток гоняет, а чего дядя Федя делает – не знаю.

– Мич-ман! – закричал Ратных, приложив ко рту ладони.

– Здесь! – неожиданно появился Птуха. Он был весь в камышовом пуху. – О взрывчатке беспокоюсь. Найдутся охотники до нашей взрывчатки. Это я вам говорю! А в озере есть яма добрая, просторная, дно каменистое.

– Утопить взрывчатку решили?

– Так точно! Она в цинках запаена и вообще водоустойчивая. Несите ее, товарищи, потихонечку, а я буду под воду ее опускать.

Взрывчатка была утоплена в озере.

– Порядочек! И место очень заметнее, – довольно огляделся мичман. – Этот «телеграфный столб» отметкой будет.

На берегу озера, против ямы с взрывчаткой, стояла большая сухая лиственница с ровно обломанной вершиной, с опавшими ветвями и осыпавшейся корой. Она была похожа на телеграфный столб, заблудившийся в тайге.

– А фикусы прятать будем? – засмеялся вдруг Ратных.

– О, спасибо, что напомнили! В кабине они засохнут, бабенки тогда с меня шкуру спустят! Кошмар, что будет! Выставляю на улицу, пускай их дожди поливают, – хлопотливо сказал Птуха и пошел к самолету.

Его догнал Сережа.

– Дядя Федя, а можно я мячик футбольный возьму? Может быть, погоняем где-нибудь.

– Об чем разговор! И погоняем! – весело согласился мичман.

Вытащив из кабины фикусы, продукты, инструменты и другие нужные вещи, принялись за маскировку самолета. На это ушло несколько часов. Самолет завалили сосновыми ветвями и молодыми елками. Окончив работу, закурили.

– Я предлагаю немедленно тронуться в путь, – сказал капитан.

Косаговский поморщился, может быть, от папиросного дыма.

– А если нас будут искать?

– Вы про самолет говорите? Если увидим, что летит наш самолет, будем сигналить ракетами.

– А куда пойдем? – снова спросил Виктор.

– Будем искать какое-нибудь селение. Идти нужно либо на юг, тогда выйдем в степь, а это все же лучше тайги, либо на север. На север все реки текут: они и приведут нас к какой-нибудь деревне. И идти надо по азимуту, – продолжал капитан. – Для этого нужен компас. Придется с самолета снять.

– Он очень громоздкий. И мне не хотелось бы рисковать им, – нерешительно сказал летчик.

– У меня есть компас! – воскликнул Сережа, открыл свою полевую сумку и протянул капитану крошечный, не более пяточка, компас в медной коробочке.

– Вот это компас! – засмеялся Птуха. – То ли румб показывает, то ли цену на копеечную скумбрию.

– Напрасно, мичман, смеетесь, – освободив стопор стрелки, сказал Ратных. Она заметалась и успокоилась, показав север. – Компас у тебя, Сережа, отличный. Что еще у тебя в сумке? Давай вытряхивай!

– Еще нож есть. Не простой, а с секретом. Нажмешь эту кнопку... Чик – и готово!

Из рукоятки выскочил узкий обоюдоострый нож.

– Мамачки! – с деланным испугом отшатнулся Птуха. – Зачем он тебе?

– Не могу же я в тайге без оружия. А это, скажете, не понадобится?

Сережа показал небольшой пузырек с прозрачной жидкостью. В пробку была вделана стеклянная палочка.

– Кислота! Благородные металлы испытывать, золото или платину. А еще вот стекло. Положительная собирающая линза, зажигательная! – гордо сказал Сережа. – Спички израсходуем или намочим, я вам костер обеспечу. Будьте покойны!

– Ты, видно, надолго решил в тайге поселиться? – горько и виновато улыбнулся Виктор брату. – Эх, Серега, глупыш ты мой!

Сережа обиженно засопел облупившимся носом:

– Ладно тебе! Только и знаешь: глупыш да глупыш.

– Тайга! – вздохнул вдруг невесело Птуха. – И слово-то звероватое.

– Гроза морей, кажется, дрейфит? – покосился на него Ратных. – А вот нам с Сережей еще рановато на печке лежать, тарбаганьим салом ноги натирать. Верно, Сережа?

– Конечно.

– Побродим по таежным тропам? Ты ходил по тайге?

– Спрашиваете! Сколько раз!

– Значит, опытный таежник?

– Опытный таежник ходил в лес за грибами и ягодами, – слабо улыбнулся Виктор.

Сережа недовольно промолчал.

– Значит, так! – Капитан шлепнул ладонью по колену. – Принимаем решение идти в тайгу. Курс – норд! Вопросы есть?

Косаговский не ответил, но по лицу его видно было, что он согласен. Мичман встал.

– Есть, идти в тайгу! Держаться будем нордовых четвертей. Перед походом закусить бы не мешало. Я не так чтобы проголодался, а полбарана съел бы!

Вскрыли залитую стеарином коробку с борт-пайком. В ней были консервы, галеты, шоколад, сгущенное молоко, сахар, чай, лук и соль.

Ели молча, а когда кончили, все, точно по команде, поднялись.

– Пошли! – засовывая топорик за ремень, скомандовал Ратных и посмотрел долгим взглядом на Сережу, привязывавшего к ремню футбольный мяч.

Виктор понял этот взгляд и в лице его что-то дрогнуло.

– Дорого бы я дал, чтобы отправить его в кино на утренний, – тихо сказал он капитану.

2

Лето 1941 года в Забайкалье выдалось на редкость раннее и дружное. Еще в начале мая тайга обтаяла. Но было все же сыро, мокро. Шли трудно, медленно, молча, дышали запаленно и часто останавливались перед сплошной, казалось, непроходимой чащей.

– Идем мы правильно, – сказал вдруг капитан. – Я все время слышу слева шум речки, той самой, что выбежала из озера Чапаева.

Никто, кроме капитана, никакого речного шума не слышал.

– Километров десять прошли? – спросил мичман.

– От силы три.

– Мамочки! Мне просто смешно! А на ногах все десять повисли.

Сережа сначала ликовал. Ему хотелось петь и кричать от радостной мысли, что он идет по тайге. Не в книжках читает, не в кино смотрит, а идет по настоящей тайге. Здесь и солнечный свет какой-то странный, словно над головой солнечные лучи падают в теплый, парной сумрак леса. Пахнет смолой и прелой хвоей. Елки, словно их распарили в кипятке, источают острый пряный запах, даже голова кружится.

Он воображал себя то сибирским партизаном, идущим в разведку, то Кожаным Чулком в девственных лесах на берегах Сусквеганны.

Радовался и Женька. Он шарил по земле черным влажным носом, жадно и быстро вдыхая диковатые таежные запахи. И вдруг начинал лаять яростно, самозабвенно или носиться по кустам, нескладный, веселый и беззаботный.

Но с каждым шагом идти становилось труднее. Сучки цеплялись за куртку и штаны, царапались, как злые кошки, а по лицу били нахально колючие хвойные лапы. Сумка колодила по коленям; за футбольный мяч, привязанный сзади к ремню, кто-то все время хватался и тащил назад, ноги ступали во что-то мягкое, трухлявое, разъезжались на ослизлых сучьях и ржавой, слежавшейся хвое. Иногда словно капкан схватывал ногу, грозя сломать ее или вывихнуть.

Капитан не раз уже оглядывался на Сережу, отобрал у него полевую сумку, свисавшую до колен, посоветовал спустить футбольный мяч и спрятать за пазуху. Идти стало как будто легче, но снова сучок нацелился ему в глаз, а ноги по колени провалились в обманчивую труху упавшего и сгнившего ствола. Ему помог выбраться Птуха. Вот тогда, посмотрев на измученное, измазанное какой-то грязной слизью лицо Сережи, капитан остановился и спросил участливо:

– Устал, таежник?

– Очень, – тихо ответил Сережа.

– А почему же не сказал, чудак? Стыдиться не надо, – улыбнулся ласково капитан.

Сережа молчал, виновато опустив голову и облизывая потрескавшиеся губы. Рядом с ним стоял Виктор, привалясь плечом к дереву. Его измотал полет, и он брел, опустив плечи, полускрыв глаза. Он рад был остановке и отдыхал всем измученным телом.

– А ну-ка, Сережа, садись мне на закорки, – подошел Ратных к мальчику и, повернувшись, подставил спину. – Ты больше не ходок. Садись, садись, ты не тяжелее рюкзака!

«Надо же!.. Об этом я ребятам рассказывать не буду», – подумал со стыдом Сережа. Но идти дальше не мог.

3

Первым, как и раньше, шел капитан с Сережей на спине, за ним шагал мичман, шумя на всю тайгу регланом, третьим измученно брел Виктор, неся за ремешок, как грибное лукошко, снятый летный шлем и то и дело отмахивая с лица влажные от пота волосы. Последним плелся Женька. Он уже не носился по кустам, а еле-еле шел, свесив язык, часто и сухо дыша. Шли, проваливаясь в сгнившие колоды, продираясь через чапыжник, на болотистых местах прыгая с кочки на кочку.

– Далеко еще нам идти? – спросил Сережа с тоской, видя, как тяжело дышит капитан.

– Не знаю, Сережа, – ответил Ратных, останавливаясь. Он опустил мальчика на землю и вытер потное лицо изнанкой фуражки. – Тайга, она и есть тайга. Будем вот так идти

от дерева к дереву и, глядишь, до Тихого океана дойдем. Китайцы тайгу недаром называют шухай – лесное море.

– На Тихий океан, значит, пеленг берем, – хмуро отозвался мичман и поглядел, покачивая головой, на свои измазанные грязью щегольские ботинки. – Не надел, дурень, кирзовые сапоги, для города прифрантился. А попал в тайгу. Кошмар! А теперь, Сережа, ко мне на спину садись. Виктора Дмитриевича от ишачьей обязанности освободим. Он нас всех троих на себе тащил!

Солнце пошло книзу и светило, невидимое, где-то за деревьями. На тайгу начали опускаться сумерки.

– Отабориться пора, – сказал капитан. – Лучше места для ночлега не найдешь. Сушняку много, и река рядом.

Когда развели костер, вскипятили чай, разложили еду, Виктор и Сережа уже спали. Летчик спал беззвучно, пластом, как спят люди, отдавшие все свои физические и душевные силы. После ужина Птуха вызвался первым дежурить у костра. Но не лег и Ратных – сидел привалясь к дереву.

– Ложитесь, товарищ капитан, поспите, – сказал жалеюще Птуха.

– Забыли, мичман, что начальство никогда не спит, оно только отдыхает, – ответил шутливо невидимый в темноте капитан.

4

Третий день шли они чернями, густой, мрачной тайгой. На четвертый вошли в пихтарник, сырой, замшелый, увешанный от верхушек до нижних ветвей мертвенно-бледными лишайниками. Эти мертвецкие бороды вызывали у Сережи отвращение и страх.

Он пытался идти, но просто удивительно, до чего болело все тело. Ныли плечи, поясница, горели подошвы ног. Не было ни одного мускула, ни одного сустава, который не болел бы. И снова начинался позор, снова тащили его на закорках, теперь уже все трое, по очереди.

Посвистывал в вершинах деревьев бесприютный, тоскливый таежный ветер. А они шли и шли с напряженными, страдающими лицами. Кончались продукты. Сегодня по приказанию капитана были выданы уменьшенные порции. А тетерева и рябчики на глазах перепархивали стайками, ошипывая хвою и обкусывая тонкие веточки.

– Эх, тулочку бы сюда! – горестно вздохнул капитан. – Были бы по горло сыты.

Все начали замечать, что капитан ищет что-то, тревожно и озабоченно глядя под ноги и по сторонам.

– Грибы ищите? – не утерпел мичман. – Рановато им, а хорошо бы белых да подберезовиков на сковородочке. Тьфу, – сердито отплюнулся он. – Ежа бы проглотил, до чего есть хочу!

– Нет, не грибы, – ответил капитан. – Тропу ищу. Хоть какую-нибудь бы тропу, она бы нас к людям привела. Нет тропок, язви их! Неужели здесь люди не живут?

Он остановился и прислушался.

– Собачий лай в тайге за много километров слышен. А мы собачьего лая ни разу за три дня не слышали. О-го-го! – вдруг во весь голос закричал он.

– Гай-гай-гай! – заголосил и Птуха.

Голоса их безответно завязли в чащах. Безмолвно стояла залитая солнцем тайга. Всем стало не по себе.

– Компот дело! – покачал головой мичман.

Ночлег капитан скомандовал, когда все вымотались до полного изнеможения. И всех уложил повальный сон. Но Косаговский проснулся спозаранку. Ему больно намяли ребра

подстеленные ветки. Солнце еще не вставало, только утренняя молочная синева залила тайгу. Он начал снова укладываться и услышал шаги. Кто-то шел к их ночлегу. Виктор вскочил и увидел подходившего капитана.

– Что случилось, Степан Васильевич? – обеспокоенно спросил летчик. – Куда вы ходили?

– Все в порядке, спите. Ходил на реку смотреть, на ту самую, около которой мы все время шли. Здесь она большая. Утром начнем плот делать и поплывем. В этом наше спасение. Дальше идти не хватит у нас сил.

Виктор прислушался. Где-то близко позванивали и бормотали волны. Похоже было, что говорили несколько человек, и все с разными интонациями: удивленными, злыми, веселыми.

Глава 9

Река

*Тунгуска, тихая река,
Не выдавай плотовщика.*

Э. Багрицкий, «Исследователь»

1

Маленький ручеек, выбежавший из озера Чапаева, превратился в могучий поток шириной метров в пятьдесят. Прозрачная литая струя летела в берегах, крутила черно-зеленые водовороты, несла валежник, кусты тальника и высокоре, деревья, вывороченные с корнями и землей. Казалось, тронь ее тугую гладь – и вода окажется твердой, скользкой, как полированная сталь.

Работали все. Деревья валил только капитан, так как топор был один. Когда он отдыхал, Косаговский обрубал вершину и сучья. Мичман искал в тайге гибкий молодой ельник и резал его Сережиным ножом, а Сережа таскал ельник к реке.

– Плот – это здорово! – кричал он, блестя глазами, – Читали, дядя Федя, как Том Сойер, Гек Финн и Джо плыли на плоту по Миссисипи? А мы что, хуже их?

Работали весело и жадно. Когда пружинит в работе каждый мускул, когда глубоко дышит грудь и падают на лоб влажные пряди волос, когда нет места в душе унынию и неверию, тогда ничто не страшно.

Повалка и разделка деревьев были закончены. Капитан взялся за самое трудное: начал вырубать в бревнах пазы и вбивать в них длинные жерди – поворники. Ими он скрепил бревна плота. Все остальные в это время скручивали по указке капитана вицы из ельниковых прутьев. Вицами связали бревна, и к полудню плот был готов.

– По местам стоять, с якоря сниматься! Полный вперед! – гаркнул мичман, восхитив Сережу, и, навалившись на шест, оттолкнул плот от берега.

И началось плавание. Река, золотистая на стрежне, где плескалась солнечная зыбь, у берегов была темной – вода подмывала корни деревьев, и они склонились над рекой причудливыми арками. Темный, извилистый, таинственный путь! Всем существом своим ощущали плывущие на плоту упругость воды, ее стремительную силу. Было видно, как пролетали на дне огромные подводные скалы. Ударься об них плот – по бревнышкам разлетится! Не ударится. Мичман не выпускает из рук шест и в нужную минуту отвернет плот от подводных рифов и банок. Моряк щурится от солнца, спокойно и весело глядит на реку, негромко напевая:

Там, где мчится река Амазонка,
Там я буду тебя вспоминать...

А Сереже не очень нравится река. Тревожно как-то на ней. И особенно не нравится ему зловеющий, хлюпающий и сосущий звук – глубинный, утробный голос реки. Даже Женьке он не нравится. Пес дремлет, свернувшись, а при каждом всхлипывании открывает один глаз и рычит на реку.

– Что это хлюпает там? – спросил Сережа.

– Водяной щи хлебает, – ответил капитан. Все засмеялись.

– Я вас по-серьезному спрашиваю, – обиделся было Сережа, но тоже засмеялся.

Всем весело, всем хочется дурачиться, шутить, все то и дело похохатывают, все верят, что недалек благополучный конец тяжелого пути.

– А как мы, Сережа, реку эту назовем? – спросил мичман, бултыхнув шестом по воде. – Ну-ка, подумай! Сережа подумал, выпятил нижнюю губу, потрогал ее пальцем и сказал нерешительно:

– Сердитая она какая-то... Ладно! Пускай и будет Сердитая.

2

На ночлег пристали к низкому, заросшему тальником берегу. Ужин, он же обед, был невеселым: очень маленькие были порции. Это скрыли от Сережи, подкладывая ему куски побольше. А утром, на рассвете, снова поплыли. И опять Сережа опасливо косился на тугие, напряженные речные струи с шапками желтой пены. А мичман радовался вслух:

– Тридцать узлов делаем, не меньше. Получается дай боже!

– Не очень хорошо получается! – откликнулся капитан. – Второй день ни деревни, ни рыбацкого стана не встречаем, ни даже охотничьей чемьи⁶. Не нравится мне это.

Капитан озабоченно оглядывал берега. Его тревожило безлюдье. Он хорошо знал родные шугаи, знал, как зашумела тайга в годы пятилеток: изыскатели, геологи, строители, лесозаготовители, охотники-промысловики. Шланы всякой тоже немало появилось, и с этим ему не раз приходилось встречаться. Уголовники, кержацкие⁷ начетчики, бородатые копачи⁸ в необъятных шароварах, а вместе с ними тянутся к золоту прогоревшие нэпманы, спившиеся и проворовавшиеся кооператоры и прочие рыцари легкой наживы. Даже расстриженный поп по тайге путался, спиртоносом заделался – спирт для копачей дороже золота.

Куда же они теперь попали? Что за тайга такая загадочная, где за пять дней они не только человека – человеческого следа не встретили.

А Птухе не хотелось ни тревог, ни забот, ни опасений.

– Вон за тем поворотом сейчас деревня будет! – беззаботно крикнул он. – И я сразу в баню! Целый день буду париться.

За поворотом, где, по словам мичмана, должна быть деревня, они сначала услышали свирепый рев реки, а затем увидели залом из упавших с берегов, подмытых деревьев. Он перегораживал реки от берега до берега, как плотина.

– Полундра! Полный назад! – отчаянно крикнул мичман.

Три шеста уперлись в дно реки. Плот остановился и медленно пошел к берегу. Но что-то ударило его снизу, три крайних бревна оторвались от поворников, потом лопнули вицы, и бревна задрались одним концом кверху. На плот хлынула вода. Сережа почувствовал, что падает в реку. Схватив обеими руками Женьку, прижал его к себе и подумал: «Погибать, так вместе, а спастись – тоже вместе». И тогда ноги его оторвались от плота, и он полетел куда-то вместе с Женькой. Это Виктор поднял их и выбросил на подошедший близко мягкий травяной берег. А когда Сережа встал на ноги, он увидел, как летит к завалу, крутясь на стрежне, разбитый плот. Капитан, Виктор и Птуха брели по пояс в воде к берегу.

...Они разожгли жаркий костер. На вбитых в землю кольях сушилась одежда.

Капитан, выливая из снятых сапог воду, улыбнулся Сереже:

⁶ Чемья – охотничья промысловая изба.

⁷ Кержаки – старообрядцы; слово происходит от названия Города Керженца – одного из центров старообрядчества.

⁸ Копачи – старатели, золотоискатели-одиночки.

– Совсем как в романах! Потерпевшие кораблекрушение, выброшенные на берег робинзоны! Нравится, Сережа?

– Знаете... не очень, – уныло ответил мальчик.

Ни Робинзоном, ни Кожаным Чулком, ни партизаном ему сейчас не хотелось быть. Сидеть бы сейчас дома в столовой и пить горячий-горячий, сладкий-пресладкий чай с любимым печеньем «Малыгин». Бывает же такая распрекрасная жизнь!

Нет, никогда больше не будет такой распрекрасной жизни! Сейчас они снова побредут по распадкам и сырым низинам, и Сережа попробует идти «своим ходом», как говорит поморскому мичман. Забредут они в болото, где надо прыгать с кочки на кочку, а кочки будут противно сипеть, пищать и шевелиться под ногами, как живые. Его конькобежные теплые, на байковой подкладке, ботинки тотчас промокнут, ноги заломит, и от них пойдет по всему телу ледяной холод. А он будет все идти и идти, со слипшимися от засохшего пота волосами, с полынной горечью во рту, пока кто-нибудь, тоже измученный, не сжалится и не возьмет его себе на спину.

– Опять пешком пойдем? – невесело спросил он, обращаясь только к капитану.

Ратных так посмотрел на Сережу, словно прикидывал его на ладошке. Он увидел посевшее лицо, бледные, обметанные губы, измученные глаза в трепетавших, словно перед слезами, пушистых ресницах. И Сережа понял, что капитан жалеет его и сомневается в его мужестве и твердости. Он собрал последние силы, измученные его глаза стали упрямыми, и он сказал с вызовом:

– Пожалуйста, не думайте... Я пойду. Сам пойду! Только сам!

– Никуда ты не пойдешь! – Капитан поднялся, снял сушившиеся на кольях, но не просохшие сапоги и начал их натягивать. – И никто не пойдет. Нет смысла всем нам снова тащиться по тайге. Вы люди непривычные, а я таежник. Пойду я один, в разведку.

Виктор ничего не ответил, только передернул плечами, словно от внезапного озноба. Птуха, в трусах и мичманке сидевший на корточках перед костром, поднялся и сказал с мрачной иронией:

– Понятно! Командир впереди на лихом коне. По Чапаеву! – Он вдруг заторопился и начал надевать одной рукой брюки, другой тельняшку. – Весь мир будет смеяться, если вы один пойдете. Я в момент! Подождите немного...

– Отставить, мичман! – жестким, командирским голосом остановил его капитан. – Пойду я один.

– Кошмарный характер у вас, товарищ капитан! – с сердцем сказал Птуха и шваркнул брюки об землю. – Нехай будэ гречка!

Капитан положил в карман пару галет, сунул за ремень топор и сказал тоном приказа:

– Ждите меня до утра. И без паники! Если услышите мой выстрел, пускайте ракету. Без этого не обнаруживайтесь.

Никто не спросил, перед кем нельзя обнаруживаться.

У всех было тревожно на душе. Что-то угрожает им, что-то сомкнулось вокруг, необъяснимое, но опасное.

3

Пламя костра предостерегающе шипит: «ти-ш-ше», а иной раз треснет, выстрелив раскаленным угольком. Много читал Сережа о таежных кострах, а теперь и сам сидит у настоящего костра в тайге. Красота! Все-таки жизнь не так уж плоха!

Сережа и Птуха сидят на поваленном буреломе. Мичман, сняв ботинки, выставив к костру ноги, шевелит пальцами и блаженно жмурится. Виктор лежит на подстилке из пихтовых лап и хрустящего пырея, притворяясь спящим. Но Сережа видит, как отражается

пламя костра в его полузакрытых глазах. Женька тоже не спит, лежит, насторожив уши. В черной утробе тайги что-то бормочет, верещит, попискивает, но не слышно осторожных шагов возвращающегося капитана. Ушел он днем, а сейчас уже вылезла на небо скользкая молодая луна.

– И тогда я скомандовал: «Карамба! Боцман, свистать наверх вахту левого борта!» И мы влепили им всем левым бортом! – Сережа посмотрел подозрительно на мичмана и потолкал его в плечо. – Да вы слушаете, дядя Федя? Или не слушаете?

– А как же? В оба уха слушаю. – Птуха судорожно зевнул одними ноздрями, крепко сжав челюсти, чтобы скрыть зевок. – А кому вы влепили?

– А говорите – слушаю. Черному бригу «Счастливое избавление» с бубновой запла-той на формарселе. А кто командовал им, помните? Капитан Шарки, по прозвищу Черная Борода. Кровожадный пират! Он всех пленников убивал.

– Вот жлоб! – возмутился сквозь зевок Птуха.

– За это я приказал повесить его на мачте!

– Правильно сделал. Молодец! – рассеянно похвалил мичман, глядя в костер. И, подняв глаза на Сережу, чуть улыбнулся. – А я все время думал: кто уничтожил Черную Бороду? Оказывается, ты. Молодец!

– Не я, конечно. Это у меня так в рассказе получилось, будто я, – вялым, полусонным голосом ответил Сережа.

Ему смертельно хотелось спать, и пришлось, разгоняя сон, рассказывать мичману недавно прочитанный пиратский роман. Мичман, договариваясь с Виктором о дежурствах, сказал, что берет на себя самую трудную, «собачью вахту»⁹. А разве Сережа не мужчина? И он будет нести «собачью вахту», дожидаясь возвращения капитана.

Но не помог и пиратский роман: спать по-прежнему хотелось невыносимо. Он уже и ухо себе безжалостно крутил, как вычитал в какой-то книге, но все равно проваливался в теплую, мягкую пропасть сна, вздрагивал, открывал глаза и снова проваливался. Он слышал где-то глубоко-глубоко плеск и бульканье Сердитой реки и ватный почему-то голос дяди Феди, разговаривающего с Витей, а потом ничего не слышал и удивился, почувствовав, что не сидит на буреломном дереве, а лежит на пихтовой подстилке с братовым кителем под головой.

Он открыл глаза, сел и снова удивился. Костер стал каким-то другим: он не шипел, не шептал, а буйно, со свистом грыз будто облитые бензином сухие еловые ветви.

– Сигнала от товарища капитана нет? – спросил он.

– Нет сигнала, – неохотно ответил Птуха. – «Уж полночь близится, а Германа все нет».

Виктор встал с подстилки и подошел к костру.

– Пускайте ракету, Федор Тарасович! – резко сказал он.

– Приказано не обнаруживаться, – растерянно ответил мичман. – За нарушение приказа даст нам капитан на всю катушку!

– Не спорьте! Я отвечаю. Пускайте ракету!

Мичман покорно вздохнул, зарядил пистолет и выстрелил. Резкий, слепящий свет, холодный и безрадостный залил тайгу. Ракета погасла. Все молча слушали тайгу. В тем-ных ее глубинах раздался вопль ужаса, отчаянный, предсмертный крик какого-то животного. Сережа вздрогнул и прижался к брату.

– Пускайте вторую! Зеленую! – так же резко приказал летчик.

– Минуточку! – предостерегающе поднял ладонь мичман. – На Женьку поглядите.

Пес, прижав уши, тихо рычал, глядя в тайгу. Совсем рядом затрещали сучья под тяже-лой ногой, но тотчас все стихло. Женька рычал все громче и злобнее.

⁹ «Собачья вахта» (мор. жаргон). – Так моряки называют самую тяжелую вахту: от 12 часов ночи до 4-х утра.

– Кто там? Выходи! – нервно крикнул летчик.

Снова затрещали сучья, и к костру вышли люди. Сережа взглянул на них и оторопело подумал: «Это сон. Я еще сплю, это мне снится...»

Но почему же тогда сердито кричит мичман, отбежав за костер?

– Слушайте, это что, бал-маскарад, новогодний карнавал?

Птуха нагнулся, пытаясь схватить ракетный пистолет, но полетел на землю, сверкнув голыми пятками. Он был сбит двумя людьми, кинувшимися на него.

– Врешь! А дулю с маком? – заорал мичман, сбрасывая нападавших.

Но к двум подбежал третий, а еще трое налетели на Виктора, сбили его с ног и повалили на землю. Тогда Сережа закричал и начал бить кулаками в костлявую спину, потом пинать ногами. Последним ворвался в драку Женька. Верный пес кинулся на выручку, удушливо рыча.

Подброшенные чьей-то ногой ракеты полетели в костер. Раздался взрыв. Взрывной волной разбросало костер. Но и в темноте слышались возня, тяжелые вздохи, удары и озлобленные выкрики.

Глава 10

Разведка

Что за край? Где мы? Сам не знаю, да и никто не знает: кто тут бывал и кто пойдет в эту дичь и глушь.

И. Гончаров. «Фрегат «Паллада»

1

Капитан шел медленно, настороженно вглядываясь в лесные острозубые тени, в обманчивую игру солнечных бликов, в таинственные завесы пихтарника. Он шел почти бесшумно. На нем была настоящая таежная обутка: легкие, точно бумажные, сапоги из тонкого и крепкого брезента без каблучков, на плоской мягкой подошве. Время от времени он делал затесы на деревьях. По этим затесам он сможет вернуться к костру.

Тайга не менялась. По-прежнему стоял вокруг густой матерый пихтарник и ельник. Черневая тайга. И только яркие, малинового цвета шишки пихты, стоявшие на ветвях свечками новогодней елки, радовали глаз в этом хмуром, без улыбки лесу.

Капитан все еще искал какую-нибудь тропу. Любая тропа приведет его к людям. В них спасение! Спасение ли? А кто будут эти люди, друзья или враги?

Он посмотрел на компас. Идет верно, по-прежнему на север, все время на север! Но как резко изменилась вдруг тайга.

Начались густые заросли нежилого, неохотничьего леса, глухая урманная чащоба ольхи, ветлы, мелкого пихтарника-подлеска, среди которых мрачными башнями стояли отдельные великаны ели. Здесь он не найдет людей. Опять сворачивать?

Капитан стоял, раздумывая, куда свернуть, и все же до его сознания дошло беспокойство, охватившее вдруг тайгу. Заволновались бурундуки и кинулись на вершины. Разволновались и белки, с сумасшедшей быстротой носились с дерева на дерево, распуская пушистые хвосты, стрекотали, заглушая писк бурундуков. Но и беличьи голоса заглушил истеричный крик метавшихся по деревьям сорок.

«Так они кричат, когда заметят человека», – подумал Ратных и услышал новый звук, похожий на свист крыльев маленькой летящей птицы. Свист кончился легким щелчком сзади него. Капитан быстро обернулся. В стволе пихты дрожала глубоко вонзившаяся стрела. Он вырвал ее из ствола и, разглядывая, покачал головой. Древнее оружие! Наконечник был железный, грубо выкованный трехгранник, к коню стрелы прикреплены перья ястреба.

Вдруг он снова услышал летящий свист. Теперь он успел спрятаться за дерево.

Вторая стрела унеслась, вереща, в чащу. Прячась за стволом, капитан пристально посмотрел в ту сторону, откуда летели стрелы. В низких, висевших почти над землей ветвях дальней великанши ели что-то подозрительно шевелилось.

Капитан вышел из-за ствола и крикнул:

– Выходи! Не бойся!

И тогда из-под ветвей ели выскочили двое и побежали, перебегая от дерева к дереву. Ратных ясно видел их одежду, бурую звериную шкуру коротких кафтанов и такие же меховые штаны.

– Постойте!.. Не бегите, язви вас! – закричал капитан и тоже побежал было, но остановился и нагнулся, разглядывая землю под ногами. Это была тропа, черная, убитая, глубоко втоптанная в землю. Высокая трава скрывала ее, и капитан заметил тропу, лишь ступив на нее.

А кто были те двое? Китайцы-тавыда¹⁰, хунхузы или таежные буряты? Но никто из них не носит меховых кафтанов и штанов, да и ружья у них есть, не будут они стрелять из луков. Что же это за люди? Чего от них ждать?

Тропа идет в ту сторону, где садятся утки. Значит, там река или озеро. Он пошел по тропе и уперся в заросли тальника, раздвинул их и увидел реку, быструю, шумную, в хлопьях желтой пены. Старая знакомая, река Сердитая! Но тропа вскоре отошла от реки и поднялась на отлогий взлобок.

Широко шагавший капитан споткнулся обо что-то и остановился. Он ударился ногой о деревянный могильный крест. Рядом еще могила. Капитан оглянулся. Справа еще две могилы, слева целых три, сзади снова могилы и могилы, и на всех белые свежие кресты. Кладбище большое, и хоронили здесь недавно. Эпидемия была, что ли? Но коли есть кладбище, значит, и деревня где-то близко.

Ратных посмотрел на вершину холма, заросшую черными, мрачными елями. Там что-то темнело, какое-то строение.

Он начал подниматься на холм, пригибаясь, прячась за стволами. Неизвестно, как встретят его здешние люди. Обстреляли же его стрелами.

Капитан высунул осторожно из-за ствола голову. Деревянная церквушка! Какая странная архитектура. Четырехскатная тесовая крыша, на ней двадцать куполов-луковок, чем выше, тем меньше, и на всех древние кресты. А под тесовой крышей и куполами сруб простой русской избы. В пролетах звонницы светится небо, колоколов нет. Видно, заброшена церквушка, похилилась с горя чуть набок, приуныла, и дремучее русское средневековое сонно глядело из узеньких ее окошек-щелей.

Ратных долго разглядывал церковь, надеясь увидеть людей. Но ни голоса, ни стука, ни дымка. Странно! Церковь и кладбище есть, а деревни нет.

«Осмотрю церковь, – решил он, – выясню, заброшена она или в ней еще молятся. Тогда многое станет ясным...»

Он поднялся на высокое церковное крыльцо и еще раз огляделся и прислушался. Роптала смутно тайга, неподалеку дятел долбил звонкую сухостоину, да в зарослях хрипло и зло, будто бранясь, кричала кукушка. Потянул деревянную скобу двери. Она открылась со скрипом немощным и недовольным, как старческое кряхтенье. Вытащил из кобуры пистолет и шагнул через порог.

Похоже, что в церкви давно не молились. Иконы висели темные, облупившиеся, и с них грозили еще перстами и очами угрюмые длиннобородые святые. А подсвечников и лампад перед иконами нет. Трухлявые, сопревшие стены церкви выпучило, прогнувшийся потолок готов был обвалиться. Откуда-то сорвалась потревоженная сова и заметалась по церкви в слепом, бесшумном полете. Ратных почувствовал холодный ветерок от взмахов сильных крыльев. Она вылетела наружу через окно с выломанной рамой.

Капитан прошел в алтарь, тоже пустой, замусоренный наметенными из тайги опавшими листьями. Ясно, что церковь брошена.

Он сел на пол, положив с одной стороны топор, с другой – пистолет, и привалился спиной к большой иконе, низом касавшейся пола. Икона почернела от времени и сырости, и видна была только босая нога какого-то святого.

Ратных измучился за день и теперь наслаждался отдыхом. В церкви было тихо. Лишь за стенами ее накатами шумела под ветром тайга.

«Что делать дальше? Заколдованное место какое-то, язви его!»

Он поднялся с пола и увидел на стене белую точку. Подошел, ковырнул ее ногтем. В щель бревна был втиснут сложенный вчетверо изжеванный мундштук папиросы. Раз-

¹⁰ Тавыда – искаженное китайское слово «давейда» – охотник.

вернул мундштук и увидел золотое клеймо: «Бр. Лапины, Харбинь». Он медленно опустил руку с окурком и прищурил глаза. Они стали узкими и злыми. «Кто курил здесь харбинские папиросы? Значит, «Антон» занес нас в Маньчжурию, в логово врага? Опасность близка, она рядом! Надо быть особенно осторожным. А пока марш из церкви! Скорее! Уйти подальше от этого опасного места!...»

2

Уйти подальше не удалось. Солнце уже село. На красном закате черными силуэтами вырезались высокие ели. Свои затесы на деревьях он не увидит и обратно пути к друзьям не найдет. Стрелять, как договорились, нельзя. Только бы они не вздумали пускать ракеты. Поменьше шума.

Осторожно, оглядываясь на каждом шагу, он спустился с холма к реке, пошел по берегу против течения, забрался в тальник и лег. Лежал на тальниковых сучьях, больно мявших бока и спину, жевал галеты и слушал не смолкавшую и ночью тайгу: тоскующий, призывный свист рябца, хриплое мяуканье рыси, похожее на заунывную песню – подвывание волчицы, зовущей волка. Потом тайгу вспугнул не то дикий вопль, не то томительный лешачий хохот. Это кричала сова, возвращаясь в гнездо, в церковь. Церковь! Что там делается сейчас? Кто пришел туда?

Он нащупал в кармане гимнастерки окурок и начал слушать особенно напряженно, и тогда стал подкрадываться предательский сон. Спать нельзя, кругом все непонятно и враждебно, а сон наваливался, теплый, пушистый, словно накрывал с головой мягкой шубой.

Глава 11

Град Ново-Китеж

Цел этот город до сих пор – с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, островерхими теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового» негнущегося леса домами.

Цел град, но невидим! Не видать грешным людям славного Китежа!

П. И. Мельников-Печерский. «В лесах»

Рассвет наконец зародился.

В пихтаче закричали кедровки, и потянула зорька, рассветный ветерок холодил колени под распахнувшейся шинелью. Капитан оперся о землю, чтобы встать, и увидел, что над ним стоит человек, бесцеремонно его разглядывающий. Два маленьких живых глаза на скуластом, изрытом оспой лице сверкали поистине звериным любопытством. Было в одежде этого человека что-то странное.

Ратных рывком сел. Но человек в странной одежде упал на него и повалил. И пока он держал за руки несопротивлявшегося капитана, подбежал другой, так же странно одетый, и ловко, быстро обшарил капитана. Пистолет был сорван с разрезанного ремня, отобраны были топорик и компас. Затем его схватили за ворот, пнули ногой в бок и приказали грубо:

– Вздынься, поганец!

Капитан встал и увидел своих друзей. Косаговский был взволнован и встревожен, Сережа испуган, а Птуха сверкал цыганскими глазами, значит, был зол как черт. На лице мичмана багровела длинная глубокая царапина через всю щеку, а обут он был почему-то в поршни из сыромятной кожи, такие же, как и на ногах всех странных людей, стоявших кучкой в стороне. Ботинки мичмана напялил один из этих людей. Видимо, непривычный к такой обуви, он не зашнуровал их, и шнурки тянулись за ним сзади. Невдалеке от Сережи, не отрывая от него глаз и нервно облизываясь, сидел столбиком Женька. Пес чувствовал, что его хозяин и друг в опасности, и ждал сигнала, чтобы ринуться на выручку.

– Как вы думаете, куда мы попали, Степан Васильевич? – шепотом спросил капитана Птуха. – Что это за люди, никак не разберу. Борисы Годуновы какие-то! Я с первого взгляда подумал – маскарад. Потом гляжу, нет, не маскарад. Я их за бороды таскал. Настоящие, не приклеенные.

– Это стрельцы, мичман.

– Стрельцы? – выкругил удивленно глаза мичман. – Что вы такое говорите? С ума можно сойти!..

Все посмотрели на рослых, плечистых бородачей, стоявших в стороне около своих низкорослых, головастых лошадей. Одеты они были в долгополые кафтаны зеленого цвета. «Из бильярдного сукна», – подумал Косаговский. На кафтанах, поперек груди, были нашивки-застежки из серебряного галуна. Через левое плечо у каждого перевязь-берендейка с висящими на ней патронами, на головах у всех остроконечные шапки-шлыки, отороченные лисьим мехом. Вооружены были бердышами и длинноствольными кремневыми пистолетами.

Ратных насчитал десять стрельцов, одиннадцатым был их командир, десятник. Он отличался широким серебряным галуном на шапке поперек меховой опушки.

За кушак десятника рядом с длинной пистолью был засунут и капитанов «ТТ».

– Как это можно объяснить, Степан Васильевич? – спросил с невеселым любопытством Косаговский. – Стрельцы в двадцатом веке?

– Есть у меня на этот счет кое-какие мысли, но говорить боюсь. Все это так фантастично! Вчера днем я встретил в тайге двоих людей. Они, видимо, подняли тревогу, и стрельцы устроили на нас облаву. Не понимаю только, почему они нас за врагов считают?

– И я это заметил. Отношение к нам враждебное. – В голосе летчика слышались беспокойные нотки. Он посмотрел на Сережу и, понизив голос, сказал серьезно и тревожно: – Ответьте мне, ничего не скрывая, Степан Васильевич. Где мы находимся, по вашему мнению? В Советском Союзе, в Монголии или в Маньчжоу-Го? Я без конца думаю об этом, вспоминаю полет и окончательно запутался. Поймите меня, я не трус, но вот... – Он снова поглядел на Сережу.

– Понимаю, – Ратных потрогал стянутое в узелок ухо и помрачнел. – Я не слышал, чтобы в Монголии была такая дремучая тайга. В Маньчжурии есть, особенно в междуречье Амура, Аргуни, Сунгари. Дикие места, язвы их, не диво заблудиться и сгинуть!

Он пощупал карман гимнастерки, где лежал харбинский окурок, решив рассказать о находке в таежной церкви и вызванных ею подозрениях, но к ним подходил стрелецкий десятник.

– Ладьтесь в путь, мирские! – строго сказал он.

– А куда пойдем, дядя? – дружелюбно спросил Птуха.

– Пошто зоблишься?¹¹ – скосил на него десятник злой глаз. – В пекло пойдешь, нечестивец!

– Не имейте эту привычку – быть нервным, – вежливо ответил одессит и пожал плечами. – Кошмарный характер у этих стрельцов!

– Вязать будем? – спросил десятника один из стрельцов.

– Пошто? Утечь им некуда. Трогай, с Богом!

Стрельцы сели на коней, а пленников взяли в круг.

Двигались молча. Матерая тайга кончилась, началась редина, потом негустой лесок на месте вырубок и гари, раскорчеванные уже под пашню. Показалось стадо коров и овец. Мальчишка-пастушонок, в распоясанной рубаше и лаптях, с длинным кнутом-хлопушей на плече, подбежал к стрельцам и что-то спросил, указывая на пленников. Стрелец ответил коротко и сердито:

– Поганцы мирские! Лазутчики.

Пастушонок испуганно попятился, потом плюнул с омерзением и хлопнул кнутом, метя концом по ногам пленников.

– Друзей мы, видимо, здесь не найдем, – невесело сказал летчик.

– Слышали? Лазутчиками нас считают. Иначе говоря – разведчиками, шпионами, – откликнулся капитан.

– Вот морока на нашу голову! – вздохнул мичман.

За красными стволами молодых сосен вдруг что-то ослепительно засверкало, и открылось неоглядное озеро, с островами, заливами, протоками. Над озером вскинулась громада сопки, с вершиной круглой и белой, в блестках кварца, похожей на лысую голову.

А на берегу озера притулился к белой сопке древний бревенчатый город. Робко жались друг к другу темные, под сопревшими соломенными крышами избы, без печных труб и с крошечными окнами; стояли чуть не на каждой улице нарядные церкви с цветными куполами; раскинулась занавоженная базарная площадь с рядами тесовых и рогожных лавчонок; ближе к озеру исходили паром бани; дальше лениво ворчали крыльями ветряные мельницы.

¹¹ Зоблиться (устар.) – беспокоиться, заботиться.

А посередине городских посадов, на холме, кичливо высился кремль-детинец, обнесенный бревенчатыми стенами с пузатыми боевыми башнями по углам. Над стеной поднялись синеглавый собор и высокие терема с крышами: и шатровыми, и в виде распиленных вдоль бочек, и с острыми петушиными гребнями. Из города наносило ветерком собачий лай, тележный скрип и звонкий девичий голос, звавший теленка: «Теля, теля!..»

– Чудеса продолжаются! Город, как из сказки! – ошеломленно проговорил капитан.

Стрельцы, словно по команде, сдернули шлыки с голов и закрестились на городские церкви. Десятник, тоже крестясь, сказал строго и благоговейно:

– Святой град Ново-Китеж!

Часть вторая Заблудившиеся в веках

Глава 1 На стогнах градских

Внезапно он повернулся ко мне и сказал так просто, как говорят о погоде и самых обыденных вещах:

– Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случалось ли вам слышать о переселении тел из одной эпохи в другую?

Марк Твен. «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»

1

Непонятно все вокруг до головокружения! И вправду попали они по меньшей мере в XVII век, влезли в историю, в самую ее середину, как сказал мичман Птуха.

– Кошмар! На что мне сдался семнадцатый век? – с кряхтением выдирая ногу, увязшую в грязи, ворчал Птуха. – Мне и в двадцатом было неплохо. А здесь мы будем иметь массу неприятностей. Это я вам точно говорю.

Грязную, ухабистую улицу, по которой они шли, обступили убогие избенки, крытые косматой ржавой соломой или еловым корьем. Окна изб – дыра в две ладони, кошачий лаз, а не окно – затянуты тонко скобленной коровьей брюшиной или бычьим пузырем. Печных труб на крышах нет, топились они по-черному, и дым валил из окон, дверей, из-под крыш, из всех щелей. Над городом низко висел этот дым, будто город загорелся со всех концов. Даже крылец у многих изб не было, только толстое бревно с зарубками вместо ступенек, прислоненное к дверям сеней. Крыши изб просели, заборы и плетни дворов сгнили, ворота завалились. Горькая нищета кричала из всех дырок.

Мичману надоело окутаться в грязные колдобины мостовой, и он повернул ближе к избам, где была тропка посуше. Но сюда выбрасывали из изб и со дворов золу, битые горшки, сношенное тряпье, дырявые лапти, дохлых кошек и собак. Споткнувшись о расколовшееся деревянное ведро, Птуха раздраженно запыхтел:

– Город! На две трубы меньше Москвы!

С улицы на улицу, от плетня к плетню, от колодца к колодцу по Ново-Китежу пронеслась уже весть, что стрельцы поймали в тайге и привели в город мирских людей. Посмотреть на этакое диво кинулся весь город. По глубокой грязи улиц бежали мужики, обернув вокруг пояса полы зипунов и кафтанов, спешили бабы, высоко подняв подола, мчались мальчишки; разбрызгивая фонтаны грязи, скакали верховые, волоклись телеги. И все разом остановились, увидев мирских, потом окружили их живым кольцом. Долго молча и робко разглядывали, и не скоро послышались первые голоса:

– Глянь, бороды бриты! Образ богомерзкий!

– Неверы!.. Антихристы!

– Скрадом к нам пробрались. Доглядчики!

– Обожди, спасены души! А как же они через Прорву прошли? И болотный засос их за ноги не схватил?

– Мирские все могут! Им нечистик помогает.

И снова замолчали, разглядывая пленников кто испуганно, кто с отвращением, а кто просто с любопытством.

Глядели и пленники на стоявших кругом людей. Истые русские мужики суровой, трудной жизни. Правда, все чуть скуластые, с чуть раскосыми глазами; волосы у большинства черные, блестящие и жесткие. А мало ли в русской крови всяких других кровей бродит и пенится? Одеты все бедно: толстое домотканое сукно, самодельная пестрядь, крашеная посконь, холсты, дерюга, пеньковое рядно. У нас из этого половики, конские попоны и мешки делают, а здесь шьют кафтаны, зипуны, портки, рубахи, сарафаны. Покрой одежды старинный, как на исторических картинах, все длиннополое, длиннорукавное.

2

Долгое напряженное молчание прервал веселый смех Птухи. Стоявшая в первых рядах молодница, судорожно перебирая красные глиняные бусы, с испугом смотрела на бритое лицо мичмана.

– Ишь как на меня глаза пучит! – усмехнулся Птуха и повел на молодницу ласковым черным глазом. – Может, во сне меня видела, красавица?

– Ой, срамной какой! Лицо, как коленка, голое! – попятилась молодка. – Свинья необрядная!

– Зачем ты его так, девка? – примирительно сказали в толпе. – Мирской аль новоки-тежский, родня мы.

– Знамо так! – дружно поддержали в толпе. – Василия Мирского, упокой господи его душеньку, помните? Говорил же он, что и в миру наши земляки, русичи, живут.

– Не земляки, а чужаки! Поганцы, чертово отродье, змеи шипящие!

Это выкрикнул звонким горловым голосом высокий рыжебородый человек в нарядном кафтане до пят, не из сермяги или дерюги, а из добротного сукна ядовито-желтого цвета. Лицо его сплошь кроме носа и узкой полоски лба заросло густыми рыжими волосами. В тусклых оловянных его глазах затаилось что-то зверино-злое и рабски подлое. Нехорошее лицо, опасное!

– Прелестный голос! – поглядел Птуха на рыжебородого. – Удивляюсь, почему он в одесской опере не поет.

А рыжебородый завопил кликушно:

– Антихристы!.. Сыны дьявола! У них на голове рога сатаны!

– Патрикей скажет, только слушай! – насмешливо протянули в толпе. – Где они, рога-то?

– Под шапкой у них рога! – резко крикнул рыжебородый. – Сбей шапку, пощупай!

– Тю! Зачем сбивать? – Птуха снял мичманку и наклонил голову. – Щупайте, граждане! Какие же мы черти? И нас, как и вас, мама родила.

Ближний парень протянул руку, с опаской пощупал и крикнул радостно:

– Гладкая, как и у нас! Ей-бо, гладкая! Нет рогов!

Рыжебородый оттолкнул зло парня и пошел на мирских. Он остановился против Сережи и взвизгнул:

– А где третий глаз во лбу? Открой третий глаз, псенок! Уу-у!.. Палачу бы под топор тебя! Чтобы и семени вашего не осталось!

Рыжебородый тянулся руками к Сереже. Казалось, он сейчас бросится душить мальчика. Сережа не отступил, не попятился, а ударил сильно по тянувшимся к нему рукам и крикнул:

– Ты, рыжий, не очень!..

Рыжебородый сунулся было ближе к Сереже, но мичман незаметно двинул его локтем в бок и сказал вежливо:

– Я, конечно, извиняюсь.

– Стрельцы, пошто мирским волю даете? – закричал слезливо рыжий, потирая бок. – Бейте мирских нещадно!

В толпе нашлись у него единомышленники. Это были молодые, сытые и мордастые парни. Их кафтаны, тоже из цветного хорошего сукна, были подпоясаны туго и высоко, выше пояса, а рукава засучены. Так выходят кулачные бойцы на «стенку».

– Бей мирских! – закричали мордастые парни. – Наш святой град пришли разведать!

– От царишки московского подосланы!.. Бей!..

Но из толпы закричали и другое:

– Не тронь мирских! Мы, может, тоже к миру тянемся!

– Мужики, помолчите! Орут, как непоено стадо.

Это крикнула бабенка, коротенькая, но матерая и крепкая, как грибок, с властными, мужскими повадками. На животе ее висел лоток, а на нем, под тряпицей, дымились горячие подовые пироги и калачи, густо обваленные мукой. Широкое, лукавое и умное ее лицо пылало гневом и брезгливой ненавистью. Она встала против рыжего и сказала не громко, но сильно:

– Чо к младеню лезешь? Пошто на мирских народ натравляешь? Будь ты трою-трижды на семи соборах проклят, Душан!

Рыжебородый опасливо попятился:

– Понесла без весла! Молчи, баба, когда мужики говорят.

– Сам молчи, шептун! Вцеплюсь, рыжий пес, ногтями в твоё рыло, и женка твоя не узнает, где что у тебя!

– Ах ты ведьма! – взревел рыжий, бросаясь на пирожницу.

Птуха шагнул было заступить ему дорогу, но не успел. Пирожница взмахнула лотком и трахнула им рыжебородого по голове. Пироги брызнули во все стороны воробьями. Толпа захохотала:

– Налетай, спасены души, на пироги! С горохом, с репой, с зайчатиной!

Рыжий плюнул остервенело и пошел прочь.

– Серьезная женщина! – засмеялся капитан.

– Грандиозная дама! – восхищенно согласился Птуха. – Красавица, теперь, когда у вас на загривке шерсть опустилась, скажите, кто тот рыжий жлоб с мордой в собачьем меху?

– Патрикей Душан, вьюн да шептун, главный подглядчик и доносчик детинский. А мордастые парни, что в суконных кафтанах, тоже из его шайки. Также посадничьи псы!

– Агентура, значит? Запомним! А какие ваши анкетные данные будут? Имя, отчество, фамилия, девица, замужняя, вдова?

– Дарёнка я. Вдова. На толчке в обжорном ряду пирогами торгую.

– Боже ж мой, и вдова и пирожница! Очень приятно! Тогда будем знакомы. Разрешите представиться. – Мичман лихо козырнул, не сгибая ладони и высоко подняв локоть. – Мичман Птуха, славного Тихоокеанского флота! А где вас, Дарёночка, искать, если нужда будет?

– Ишь какой скорый! Вы, мирские, все такие? – оправляя холщовый сарафан, улыбнулась Дарёнка и стрельнула глазами в мичмана.

У Птухи екнуло сердце. Ох и глаза же у пирожницы, черненькие, кругленькие, как у соболюшки, а ласковые и развеселые!..

– Имею вам сказать пару слов, – нагнувшись к Дарёнке, тихо сказал мичман.

– Обожди, мирской. Никак соль везут. Неужто у мужиков духу не хватит на дуван соляной обоз пустить?

Она указала на большой обоз, втягивавшийся в улицу. Запаренные, исходившие кислым паром лошади с трудом тащили по грязи тяжелые возы, укрытые рогожами и увязанные волосяными веревками. По обе стороны обоза ехали конные стрельцы. Капитана удивили глаза людей, смотревших на проезжающие возы. В глазах этих блестела голодная жадность и нестерпимое желание броситься на возы, развалить, растащить их.

– Словно на золото смотрят, – сказал он вслух.

А Птуха быстро выдвинулся к возу, приподнял рогожу, потер ладонью туго набитый мешок, лизнул ладонь и громко удивился.

– Соль, чтоб я так жил! А охраняют, как золото.

– Соль-то, она дороже золота. Без соли и хлебушек не сладок. А мы вот без соли живем, – сказал невесело стоявший невдалеке мужичишка, встрепанный и сердитый.

В дырявой рубахе, в коротких мохрастых портках был он похож на петуха, только что вырвавшегося из драки после хорошей встрепки. И зипун его из дерюги был так перекошен в вороте, будто и за ворот его таскали и трепали без милости. Бороденку словно ветром в сторону отнесло. Но лицо было смелое, задиристое, готовое к новой драке.

– А почему же вы без соли живете? – спросил капитан.

– Видал, какая стража вокруг соли? Глядеть гляди, да кругом обходи! С дрекольем бы навалиться, отбили бы сольцу-матушку!

– Ты чо, Псой, мак ел? Совсем ополоумел! Никогда мы за дреколье не возьмемся. Мы по писанию живем, смирно живем, – покорно сказал стоявший рядом с Псоем мужичок, тоже растерханный, похожий на растеребленный стожок сена, но с лицом робким и кротким, с глазами лучистыми, добрыми и печальными.

– Чистый Чарли Чаплин, – сказал мичман, глядя на робкого мужичка. – Только ребра, как у цыганской лошади, торчат. Ты почему, браток, смотришь грустно?

– Загрустишь! – задиристо ответил за робкого Псой. – Веселья не много, коли десны без соли гниют. Соль всю верховники под себя подгребли. А мы не солоно хлебаем!

– Интереснось знать, что за звери эти верховники? – спросил Птуха.

– Люди владущие, сильные! – Псой вытянул руку в ту сторону, где над избенками города высились на холме стены и башни Детинца. – Живут на холме, наверху, потому и зовутся верхними людьми. Они в Детинце на полную душу живут, а у нас видишь как? – указал он на покосившиеся избы. – Все валится да гнется, скоро и затвориться нечем будет.

– А почему? Душа ни к чему не лежит, вот почему, – безнадежно проговорил робкий мужичок.

– Что там блестит на солнце? – спросил капитан, глядя на Детинец.

– Терем златоверхий. Золотая голубятня! – ответил угрюмо Псой. – Только в ней не голуби, а коршуны живут. Старица и посадник. Теребят нас, посадчину, как коршун курчонка. Не принесешь в Детинец белое железо – и соли тебе нет.

– Какое белое железо? – удивился Ратных. – Где вы его добываете?

– Сказал бы, да не ведено про белое железо говорить, – покосился Псой на конвойных стрельцов. – Ничего, поживешь – узнаешь, может, сам косточки сложишь на Ободранном Ложке, – со зловещим намеком проговорил Псой.

– Мне просто смешно! – сердито сказал Птуха. – Кошмар, до чего вы скучно живете. Хуже некуда! Даже без соли кушаете.

– А чо делать? – по-петушиному покосился на него Псой.

– Научу. Слушайте в оба уха! Вы что, не можете показать этому Детинцу, где раки зимуют? Пыль с них сдуть? Поворот все вдруг – и от Детинца только дырка останется.

Кто-то, прячась в толпе, сказал с тоской:

– Так, може, на миру, на Руси, у вас бывает, а у нас...

– А что у вас? Ну, чего замолчал?

– Замолчишь, коли глотку заткнут. Пробовали мы пыль сдувать, так после голов недо- считались! – снова крикнули из толпы.

А робкий мужичок вдруг придвинулся к Птухе и, оглядываясь опасливо на стрельцов, спросил быстрым шепотом:

– Скажи, ради Христа, добрый человек, скажи по правде: ты не антихрист?

– Вот морока на мою голову! – вздохнул мичман. – Хочешь, командировочное удостоверение покажу? Сам посуди, у антихристов командировочные со штампом и печатью бывают?

– Врут, значит, наши попы, что на миру сплошь антихристы. Матерь Божья, хоть бы одним глазком на Русь глянуть! Омерзело здесь из тайги в небо, как в дыру, глядеть!

– Так беги к нам!

– Попробуй! Так тебя и пустят!

– А кто не пускает? Да ты не бойся, выкладывай.

– Говорили же тебе... Да вот он тащится! Он и не пускает.

Из-за поворота выползла на улицу неуклюжая, скрипучая, без рессор колымага, выкрашенная в ярко-красный цвет. Волокла ее четверка лошадей цугом, в упряжи, увешанной бляхами, кистями и лисьими хвостами. В окно колымаги видны были соболья шапка, тучная борода и опухшее от обжорства и безделья лицо. Сзади, за колымагой, плелись два пеших стрельца с бердышами на плечах. Люди испуганно расступились перед колымагой и не двинулись с места, пока ее скрип не смолк вдали. Тогда послышались негромкие голоса:

– Куда это верховника понесло?

– На Ободранный Ложок, поди. Белое железо в мешок ссыпать.

– Самого его в мешок да в омут! – угрюмо сказал Псой.

– Суеслов, Богу и верхним лучшим людям ты противник! Годи, дадут те таеку! – лениво, без злости пригрозил мужику стрелецкий десятник. И приказал строго: – Двигай! Шагай ширше, мирские. Липнут всякие!

3

Улица пошла под уклон и, как река в бурливое озеро, влилась в базарную площадь. Здесь, на свежем навозе и по колено в грязи, галдел, кипел толчок. Торговали с рук, со скамей, с лотков, из бочек и кадушек; были и палатки рогожные и тесовые. Над палатками висели на шестах то лапоть, то лоскут сукна, сапог или шапка. Это были вывески. А мясной ряд можно было угадать и без вывески – по стаям собак с мордами, вымазанными в крови. Мясники тут же на толчке резали скот, палками отгоняя собак, рвущихся к окровавленному мясу. А для рыбного ряда вывеской была вонь такая мощная, что мирские зажали носы.

– Что они, черти, тухлую рыбу, что ли, обожают? – вслух удивился мичман.

– Черти, може, и любят тухлую рыбу, а мы не любим, – откликнулся встрепанный мужик Псой. Он и робкий, с добрыми глазами, шли за мирскими как привязанные. – Рыба на тонях без соли гниет, у баб капуста без соли воняет, мясо тухнет, сало червивеет. Истинно гибель без соли!

– Опять разговор о соли, – тихо сказал Виктор капитану.

– Дельный разговор! Он нам глаза на здешние порядки открывает, – ответил довольно капитан.

Толчок шумел, свистел, пел, кричал. Как на цимбалах, играли гончары, постукивая палочкой по звонкому своему товару. Котельники оглушительно били в котлы и сковородки, сыромятники размахивали дублеными полушубками, вымоченными в дубовых и еловых настоях и в квасах, пьяные орали песни, нищие слезно ныли, ребятишки свистели и дудели на разные лады в глиняные свистульки и дуды.

Бабка, ворожея на бобах, пытаюсь перекричать базарный гвалт, гадала двум девушкам-подружкам, а те, затаив от страха дыхание, глядели прямо в ее беззубый рот. Была на толчке и стригальня, где мужичкам и парням, сидевшим на пнях, стригли волосы, надев на голову глиняные горшки. Земля здесь была покрыта, как кошмой, срезанными волосами.

А за стригальнями увидели мирские невысокий помост из досок, выкрашенный в черный цвет. На нем лежал ворох соломы, подплывший кровью, стоял чурбан с воткнутым в него широколезвым топором. Это была плаха. Рядом мрачно чернела виселица. Ветер с озера тихо покачивал висевшего в петле со связанными за спиной руками. На перекладине виселицы сидели тесно в ряд вороны. Они нетерпеливо перепархивали и скрипуче каркали.

– Хорошую моду взяли – убивать живых людей! – пробормотал ошарашенно мичман.

А Ратных ощутил холодок в сердце: «Плаха... Виселица... Время здесь остановилось...»

Стрельцам пришлось задержаться. Вокруг плахи тесно стояли люди, весело и довольно смотревшие на кнутабойную расправу. Палач, высокий, плечистый, но с маленькой круглой кошащей головой, осенил себя крестным знаменем, поплевал на руки и поднял длинный сыромятный кнут. На кобыле, толстой доске с прорезями для рук, лежал тучный бородатый человек. При первом же ударе он вскрикнул визгливым, бабьим голоском:

– Внемли гласу моления моего, Исусе Христе!

А люди, обступившие плаху, захохотали:

– Чай, спьяну накуролесил, поп Савва – худая слава!

– Известно! Он ковш пенника в один дых пьет!

– Эй, палач Суровец! Удара не слышно! Бей кутью крепче!

Но палач хлестал лениво, без злобы. Люди начали покрикивать раздраженно:

– Суровец, сердчай! Серdito бей божью дудку!

– Сухо! Поповской кровушки не видно!

Палач хлестнул с замахом, и поп взмолился:

– Оле, мне грешному, оле, мне несчастному! – А потом заорал: – Полно бить-то, душегуб! Сверх счету кладешь!

И вдруг зрители сразу отхлынули от плахи. В дальнем конце толчка закричали:

– Бирюч едет, спасены души! Новое мучительство выкрикнет!

Конный бирюч заколотил короткой плеткой в большой бубен, надел на длинный шест свою шапку, поднял ее высоко и закричал:

– Слушайте все люди новокитежские, от мала до велика!

– Новокитежское радио! – покрутил головой Птуха. – Последние известия!

– Слушайте, спасены души! – кричал, нутужась, бирюч. – Ее боголюбие старица Нимфодора и его степенство государь-посадник Ждан Густомысл указали, а их Верхняя Дума постановила: завтра, после заутрени, выйти Кузнецкому посаду на Ободранный Ложок на две седмицы для доброхотного, без понуждения, добывания белого железа! То богова работа! А ослушников благий, в троице прославляемый Господь Бог великим гневом накажет и опалит, як огнем, а старица проклятие наложит!..

И словно взорвался толчок яростными криками:

– Не на Бога работа, а на брюхатых из Детинца!

– У скольких с костей мясо ободрал тот Ободранный Ложок!

Широкоплечий кузнец с подпаленной у горна бородой крикнул железным, громыхающим басом:

– Бирюч, эй! Передай в Детинец: не пойдут, мол, кузнецы на белое железо!

– Да ить ее боголюбие старица приказала, – послышался голос смиренного мужика. – Как откажешься?

– А иди ты со своей старицей знаешь куда?! – заорала толпа.

– Детинские верховники народ, как восковую свечу, сгибают, а ее боголюбие крестом их заслоняет!.. «Боголюбие»!

В толпе становилось все теснее, душнее. Не выдержав, запричитала, как над покойником, женщина, заплакали горько дети. В толпе вздыхали, охали, ругались.

– Доколе же мы будем эту муку терпеть?! – выкрикнул вдруг горячо Псой, встрепанный мужик. – Эх, смелому горох хлебать, а трусу и редьки не видать! На дым ихнее гнездо пустить надобе, за рога взять все ихнее отродье! – погрозил он кулаком Детинцу. – А крышу ихнюю золотую я бы тебе, Сысой, на сарай подарил, – зло засмеялся он, глядя на робкого мужичка.

– Вот это настоящий разговор! – хлопнул Птуха Псою по спине. – Давай, браток, знакомиться. Как твои позывные? Величают тебя как?

– Псой Вышата я. Народ говорит, что истинный я Псой. И верно, душа у меня злая. А это Сысой Путята, – указал он на робкого мужичка. – Мы всегда вместе, нас так и кличут: не-разлей-вода. Плотники мы. Чего хочешь тебе срубим: хочешь – избу, а хочешь – и домовину. А тебя как зовут, друг?

– Федор Птуха. Моряк! Из славного города Одессы, с Черного моря, воспетого академиком Айвазовским. Слышал про такое?

– Неужто твое море всамделе черное?

– Спрашиваешь! Сунь в море сапоги – и гуталином чистить не надо. Чуешь?

– Чуем. А это чего у тебя? – робко показал Сысой на видневшуюся из-под расстегнутого кителя тельняшку мичмана.

– Морская душа.

– Ишь! А наши попы учат, что у мирских душа – пар, как у собак. А у тебя она полосатая, – с детским недоумением сказал Сысой. – Ты, чай, не православный?

– Советский. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил ничего не понявший Сысой.

Вокруг мирских, как и при каждой остановке, собралась толпа, и неизвестно, в какую сторону повернул бы разговор, благо стрельцы разбрелись по толчку хватать пироги, калачи, куски вареного мяса с лотков, если бы около плахи не закричали вдруг испуганно и зло сразу несколько голосов:

– Остафий Сабур скачет! Сам голова стрелецкий!

– Враз псиной завоняло!

– Живет собакой и сдохнет псом!

Прибежали конвойные стрельцы и, засовывая за пазуху пироги и мясо, пинками сбили мирских в кучу, и снова оцепили их, отрезав от толпы.

Стрелецкий голова остановился под виселицей. Ратных поднялся на цыпочках, но горячий конь Сабура крутился, и капитан разглядел только зеленый кафтан, но не из бильярдного сукна, как у стрельцов, а из тяжелого бархата и с золотыми застежками поперек груди. И на голубой атласной его шапке поперек собольей опушки была нашита не серебряная галунная, как у стрелецкого десятника, полоса, а из золотой парчи. Голова закричал. Сердитый его голос был ясно слышен:

– Эй, онучи вонючие, кафтаны вшивые! Или вы забыли, что в Ново-Китеже судьи быстро судят, палач Суровец быстро вешает?

– Рази? – прикинулся удивленным Псой.

– Я покажу тебе «рази»! – погрозил ему плетью голова. – Не будете в Детинец белое железо приносить, злыми смертями вас казнить почнем! По всему городу виселиц наставим и развешаем вас черным вранам на уедие! Вот этак!

Голова привстал на стремянах и хлестнул плетью повешенного. Мертвец закачался, повернулся и показал исклеванное птицами лицо. Темные глазницы уставились на людей.

Вороны, тяжело махая крыльями, сорвались с виселицы, черной тучей закрыв солнце. И весь толчок от края до края взревел, давая выход злобе:

– Не пугай! На ладонь положим, другой прихлопнем!

– Замучили, замордовали!.. Вас самих на белое железо погнать бы!

Испуганный криками конь взвился на дыбы и помчался, не слушая поводов. А люди, перестав кричать, заговорили, зароптали во много голосов:

– Уходить из Ново-Китежа надобе! В мир, за новой долей!

– Уйдем через дыру на Русь! Как Вася Мирской призывал!

– А как найдешь дыру-то? Прорва, она непроходимая. Заплутаешься и сгинешь!

– Баишь, непроходимая? А в Детинец откуда, в обмен на белое железо, всякое роскошье несут? Ситцы, атласы, бархаты?

– Верно! Из мира несут. Выходит, Прорва проходима.

– Не для нас только! Нас за руки держат и ноги вяжут.

– Заставим старицу и посадника ходы через Прорву показать. Покажут небось! – с угрозой сказал Псой Вышата.

– Всем миром заставим! – подхватила толпа. – Все посады волят в мир выйти! И Кузнецкий, и Гончарный, и Сыромятники, Щепной и Ткацкий тож!

– И Рыбацкая слобода на Русь тянется! – крикнул рыбак с веслом на плече.

– И пашенные мужики из таежных деревень!

– А Усолье? Солеварам-то горше всех живется!

И опять выскочил из толпы рыжебородый в желтом кафтане Патрикей Душан, и с ним мордастые, высоко подпоясанные парнищи. Патрикей крикнул издевательски:

– А на кой ляд вам дыра в мир? Чего вы в мир потащите? Вшивое вретище свое?

– Горе да беду свои в мир поволоку! – подскочил к нему Псой. – Тамо с плеч их скину!

– В мир поволокешься, дырник проклятый? – дернул по-собачьи губой Душан. – В царскую неволю захотел, в царщину? В наш святой град царская рука не дотянулась, так вы сами в царишкины лапы лезете?

– Слушай ты, фигура! Засохни! Не капай людям на мозги! Нет в мире царя! – закричал мичман через плечо стрельца.

Тот замахнулся на него бердышом, но Федор отбросил топор и снова закричал:

– Прогнали мы царя, уничтожили!

– Врешь, врешь, окаянный! – потрясая над головой кулаками, завопил Душан. – Как это – без царя? Ново-Китеж – малое место, и то без головы не обходится! А то великая Русь!

– Да дайте ему, черту рыжему, по сусалам! – крикнули разъяренно из толпы.

– Ан правду мирской говорит! – задохнувшимся голосом закричал вдруг смирный Сысой. – И Вася Мирской, покойничек, царство ему небесное, тоже говорил, что на Руси нет царя. Чуете, людие, какой ветер из мира дует? Согнали царишку-то! Народ, вишь, сам на Руси государит!

– Вон как заговорили, дырники! – заорали мордастые. – Опять, как при Ваське Мирском, основу шатаете?

– Не так еще шатнем! Новины хотим! Бей сидней!

– А мы за старину! Бей дырников!

Цокнули чьи-то зубы под крепким кулаком, слетела с головы и шлепнулась в грязь чья-то шапка. Мордастый парень, не замахиваясь, ткнул Псою в переносицу, и тот брякнулся на землю. Но и мордастого сбил с ног могучий кузнец с опаленной бородой. Вторым метким ударом в надбровье он повалил главного подглядчика Душана, и тот сел в грязь, разметав полы желтого кафтана. И вдруг весь толчок разом заревел:

– Дай бою!.. Дай бою!..

Стрельцы бегом уводили мирских с толчка. На бегу мичман оглянулся и, глядя на побоище, сказал задумчиво:

– Заблудились в веках...

Глава 2

Посадничий двор

*У приказных ворот
Собирался народ густо.
Говорит в простоте,
Что в его животе пусто!*

А. К. Толстой. «У приказных ворот...»

1

Мальчуган в заношенной бараньей шапке, в драной шубенке, но босой долго не отставал от мирских, кричал им вслед что-то злое и кидал камнями и щепками то в них, то в рычащего Женьку. Сережа наконец не вытерпел, остановился, поглядел с угрозой на мальчишку и проговорил сквозь стиснутые зубы:

– Ох, я бы тебе и выдал!

Ратных засмеялся:

– На каждой улице найдется вот такой оголец, будет бежать за тобой и пулять чем-нибудь в спину. Что в двадцатом веке, что в семнадцатом.

Косаговский не ответил на шутку. Он был взволнован и встревожен.

– Вы понимаете что-нибудь, Степан Васильевич? Чертовщина какая-то кругом. Сплю я, что ли? – раздраженно закончил он.

– Хотите, ущипну вас?

– Бросьте вы! Вы попробуйте объяснить.

– Объяснить все можно, надо только понять. – В глазах капитана, внимательно оглядывавшего дома и людей диковинного города, было спокойное любопытство. – Начнем вот с чего. Предки новокитежан когда-то, в очень давние времена, бежали сюда из России. Это, надеюсь, всем нам понятно. Вы спросите: почему бежали?

– Это-то понятно, – проговорил летчик. – От хорошей жизни не побежишь. Бегали от голода, безземелья, от боярской кабалы. Из Монголии, от озера Лоб-Нор пригоняли обратно в Россию почерневших от голодовок мужиков. Бегали и раскольники, бегали и бунтари. Но в мою голову не укладывается: как не обнаружили Ново-Китеж за триста лет?

– А разговоры о Прорве, о кольце непроходимых болот вокруг Ново-Китежа слышали? Вот вам и объяснение.

– Но в наш век, в век авиации...

– Не вам бы, летчику, это говорить, Виктор Дмитриевич. Авиация без дорог не летает. По трассам. А сверни подальше в сторону, как мы свернули, и начнут открываться диковины всякие. Слышал я однажды разговор в поезде, рассказывал летчик лесной пожарной авиации. Увидели они с самолета в лесном озере необыкновенную зверюгу. Огромную, гладкую, на солнце блестит. Спустились они ниже, а зверь в воду нырнул. Только круги и волны по воде пошли. Это на Сихотэ-Алине было. Ихтиозавр, язви его, или динозавр какой-нибудь! Это похлеще Ново-Китежа будет. Прямо-таки конан-дойлевский затерянный мир.

– Летчики – мастера туман напускать, – сухо сказал Виктор.

– За что купил, за то и продаю. Что еще нам непонятно? Да, сидни и дырники! Судя по драке на базаре, это две местные партии. Сидни – консерваторы, они за старые порядки,

за то, чтобы сидеть в Ново-Китеже по-старому, как триста лет сидели, а дырники пытались уже уйти на Русь. Кричали еще на базаре о каком-то Василии Мирском; он здесь основу шатал, значит, бунтовщик, мятежник. Но про Василия Мирского мы ничего еще не знаем.

– У меня тоже есть вопрос, – вмешался Птуха. – Про соль и про белое железо непонятно. Туман двенадцать баллов!

– Поживем – все узнаем, все будет понятно.

– Поживем? А вы долго здесь жить думаете? – даже остановился летчик. – На Большую землю, так будем говорить, не собираетесь?

– Готов хоть сейчас. А если заставят погостить? – спокойно ответил капитан.

От этих спокойных слов у всех стало тревожно на душе, и все замолчали надолго.

На подъеме на холм к Детинцу их нагнали поп Савва, которого били кнутом на плахе, и могучий кузнец с опаленной у горна бородой. Это он на толчке двумя ударами опрокинул в грязь мордастого парня и Патрикея Душана. Такому нетрудно и пятерых повалить. В плечах окатистый, в груди неимоверно широкий и выпуклый, лицом рябоват, мечен оспой, над расклиненной бородой навис огромный сизый носище. Он, видимо, разогрелся в драке и снял валяный черный колпак, подставив ветру лысину, переходившую в крутой, просторный лоб. С виду как будто бы прост и обычен кузнец, но в темных пристальных его глазах были спокойный, уверенный ум и гордость. Капитан долго и внимательно глядел на кузнеца: покажись, покажись, чего ты стоишь? И, перехватив его взгляд, кузнец ответил доброй, хорошей улыбкой.

А поп легко отмеривал частые коротенькие шажки. Мичман взглянул на него и засмеялся:

– Силен попище! На кобыле лежал, плетюганов отведал, а шагает гоголем!

Ратных и Косаговский тоже улыбнулись. Приземистый, тучный, с рожей багрово-красной, будто нахлестанной венником, поп мрачно шмыгал лиловым пуговкой-носом, а хитрые, блудливые глаза его зыркали во все стороны. Одет он был в рваный овечий полушубок поверх закапанного воском и жирными щами подрясника.

– Шапку-то надень, – продолжал смеяться Птуха. – Кудрями ты не очень богат.

Поп потер красную, мясистую плешь и махнул рукой.

– Нету шапки. На толчке потерял, когда стегали. Ладно и так, аки пророк Елисей.

– Больно били? – полюбопытствовал мичман.

Поп прищурил блудливые глаза.

– Суровец ударит – кафтан треснет. Кожа, как лапша, излокутится, кровь ручьями польет. А меня не бил, бархатом гладил. Жалел!

– А чего же ты ревел, как бугай?

– Плоть не стерпела, – почесал поп, морщась, спину.

– Кошмарный характер! – снова засмеялся Птуха. – После бани, а чешется. А за что тебе всыпали, можешь сказать?

– На Богородицу я плюнул.

– Как-ста? – оторопел стрелецкий десятник. – Поп, а на Божью Матерь плюешь?

– Хвати ковш полугару – пень от Богородицы не отличишь. Плюнул я в церкви на стену, на ней сатана намалеван, а попал в Богородицу.

Птуха согнулся вдруг в поясе, держась за живот, и затрясся от хохота. Захохотал и поп и сквозь смех выкрикнул:

– И в Миколу-угодника маленько попал. Грехи... Ох, грехи.

Мичман снова взвыл от смеха, а за ним, постанывая и охая, засмеялись все остальные. А когда отсмеялись, отдышались, вытерли выступившие слезы и снова пошли, десятник спросил кузнеца:

– И ты, Будимир, к посаднику?

– К ему. Бирюч выкликнул наш посад на огульные работы.

Голос у кузнеца был громахающий, железный, будто падала на пол кузнецкая поковка.

– Хоть и выкликал бирюч, а не пойдут кузнецы на Ободранный Ложок. Не пойдут, хлебна муха!

– Повесит тя посадник, – сказал десятник. – И за дело! Не бунтуй против старицы и посадника!

Поп Савва забрал в горсть бороду и сказал задумчиво:

– Повесить, может, и не повесит, а кнута Будимир испробует, это уж и к бабке-ворожее не ходи.

Кузнец промолчал.

Ратных вдруг решительно положил руку на его плечо.

– Хочу спросить тебя, друг, кое о чем. Можно? Только, чур, начистоту отвечать.

Кузнец ответил не сразу, посмотрел пытливо на мирского, и понравился ему, видимо, пришелец из мира.

– Можно! – чуть дернул он в улыбке губами. – И начистоту отвечу.

– Ты кузнец, ты и скажи, что это за белое железо? И кому его нужно так много, что целыми посадами гонят людей его добывать?

– Верхним людям нужно. Белым железом они народ на корню губят. А крушец¹² совсем бездельный. Шибко мягкий, а на плавку тугой. Простое черное железо, то полезно людям, а белое совсем без пользы.

– Без пользы, а добывают. Для чего же?

– Тебя надо спросить. К вам, в мир, его отправляют.

– Ты это точно знаешь?

– Народ не без глаз! Таскаем-таскаем в Детинец проклятое белое железо – и как в бездонную бочку сыплем. Куда оно девается? А еще скажи: откуда в Детинце всякая роскошь появляется, невиданная в Ново-Китеже?

– Поганый у тя язык, Будимир! – оборвал кузнеца поп Савва. – Ведь не велено о белом железе речи вести. То ведомо тебе?

Кузнец недобро улыбнулся, глядя на попа:

– Рожа у тя, поп, будто клюквой натерта. В посадники бы тебе с такой рожей. Ты не хуже посадника народу глотку затыкаешь. Видишь, мирской, как у нас? – развел руки кузнец. – По всему Ново-Китежу о белом железе молвь идет, а приказано молчать. О том молчи, о сем молчи, обо всем молчи. Молча живем.

– И вправду кончайте ваши байки, – недовольно сказал стрелецкий десятник. – Тута Душановы псы, ушники, подкрасться могут. Подслушают – и вам и нам влепят по горбу!

Над избенками посадов уже видны были башни Детинца, угрюмые, взъерошенные, как совы, и бревенчатые его стены, потемневшие от таежных ветров и непогод. Меж бревен торчали пучки прижавшейся травы, из узких бойниц свешивались бороды мха. Срубленный из вековых, в два обхвата лиственниц, Детинец был как кулак, занесенный над соломенными крышами посадских избенок-однодымок.

Поп, стрельцы и Будимир перекрестились на икону, врубленную над башенными воротами под жерлом большой пушки, и все вошли в башню. Темный ее свод уходил вверх, во мрак.

Пахло сыростью, тленом. Все было древнее, погруженное в века.

¹² Крушец (устар.) – металл.

2

Внутри Детинца, на просторном посадничьем дворе, стоял собор о пяти главах, простой, строгий, легкий, обшитый досками и расписанный по ним «травчатым» узором. Меж узорными цветами, травами и деревьями летали шестикрылые серафимы и враждебно глядели с высоты на толпившихся внизу грешных людей. Собор цвел кармином, лазурью, желтью, зеленью и золотом, как неопикуемой красы русский платок, упавший с девичьей головы на траву лужайки.

Рядом с собором стояли высокие, в три жилья, хоромы, срубленные хоть и крепко, но неказисто. В нестройной связи перемешались балкончики, крылечки, крытые переходы, летние спаленки-повалуши, светлицы, клетки, подклетки и чуланы. Ребристая крыша хором ослепительно сияла, выложенная пластинками золотистой слюды.

Против посадничьих хором, по другую сторону собора, стояли избы верховников, без всяких затей, но из могучих бревен, крепкие, словно каленые орехи. Гонтовые крыши насунулись на окна, как шапки на злые, завистливые глаза. Оттуда несло духовито свежее-выпеченным хлебом, вынутыми из печи пирогами и наваристыми мясными щами. Мичман, потянув носом, жалобно сморщился и потер живот. За домами собинников виднелись избы стрельцов. Там полно было зеленых кафтанов, жирных свиней и злых псов. А дальше, до самых крепостных стен, зеленел листвою сад, обнесенный дубовым частоколом, с высокими качелями, девичьей забавой. К саду примыкал блестящий под солнцем пруд, наверное, с жирными карасями.

– Видал, хлебна муха, как в Детинце живут? – тихо сказал капитану Будимир. – Сытно, пьяно, мягкая перина стлана.

Конвойные стрельцы подвели мирских к парадному, красному крыльцу под шатровой крышей, на витых столбах, с деревянными в полчеловеческого роста шарами в подножье. На нижней ступеньке крыльца два стрельца в зеленых кафтанах, здоровенные, налитые ядреным красно-сизым румянцем, играли в чернь, выкидывая из стаканчика костяные кубики с точками на боках.

– Полняк! – обрадованно закричал стрелец, выкидывая двенадцать очков.

– Другой выкинул четыре и уныло сказал:

– Чека!

– С пудом! – веселился один.

– Голь! – мрачнел другой.

Азарт захлестнул сторожей, они и о пищалях-рушницах забыли, беспечно прислонив их к стене.

– Хороша службишка, сидячая да лежащая. Знай кости бросай! – сказали насмешливо из толпы посадских, стоявших около крыльца.

– Отзынь, волк, собаки близко! – огрызнулся проигравший стрелец.

А удачливый сказал назидательно:

– Попробуй послужи! Всегда у стремени посадника, и днем и ночью!

– И днем и ночью у поварни посадника. Так вернее будет, – проворчал громко Будимир.

– Знамо! – захохотали в толпе. – Кажин день щи с убоиной жрут, чаркой запивают да спят как резаные. Служба!

– А ну брысь, вшивые сермяги! – вскочил, хватая пицаль, проигравшийся стрелец.

Посадские не спеша отошли от крыльца. Напоследок все же крикнули с угрозой:

– На это вы горазды, народу пищалями грозить! Ан ладно, сочтемся как-нибудь и за старое, и за новое, и вперед за пять лет!

– Кто эти люди, зачем они к посаднику пришли? – тихо спросил капитан Будимира.

Кузнец приветливо улыбнулся.

– Люди тут разные, а дело у всех одно. Плакаться будем, просить будем освободить от Ободранного Ложка, от добычи белого железа. Эти вот – пахотные мужики из таежных деревень и заимок. С хлебушком бедуют, а их с пашни на белое железо гонят.

Услышав разговор, к кузнецу и капитану подвинулся ближе пахотный, в рубахе из небеленого холста, в дерюге и в лаптях из ивовых прутьев.

– Было бы нам солнце красное, да дождик, да ведро во благовремени. Будет и хлебушко. А до прочего нам дела нет. На кой ляд нам твое белое железо? А посадник лютует на нас!

– Истинно! – подтвердил Будимир. – Народ на двор посадничий идет, аки пророк Даниил в львиный ров... А энти вон бортники, дикий мед в тайге из дупла выламывают, а рядом с ними хмелевщики, что хмель в лесу дерут. Без хмеля и меда детинские неразымчивы. И все с подношениями. Видишь кадушки и короба? Чуть далее – те рыболовы с озера, ершееды, жуй да плюй! На Светлояре нашем промышляют.

У ног рыбаков лежали на рогожах огромный усатый сом и широкие, как подносы, лещи.

– А ваше подношение? – спросил кузнеца с любопытством Виктор.

– Вот мое подношение! – взмахнул Будимир огромными кузнечными клещами. – А мало будет – кувалдой в лоб!

– Добро! – весело сказал Птуха. – Так держать, браток!

– А эти кто? Погляди, Витя, погляди, – потянул Сережа брата за рукав. – На Кожаного Чулка похожи. Верно?

Сережа показывал на двоих худолицых, с темной кожей, с блестящими зоркими глазами. Они выделялись своей одеждой, короткими безрукавными кафтанами-лузанами из звериных шкур мехом наружу, штанами из ровдуги, поршнями из кабаньей кожи с высокими, до колен, гетрами из ровдуги же, похожими на кожаные чулки, и шапками из рысьего меха. Только эти двое пришли в Детинец с оружием: черными луками из мореного дуба с желтыми, прозрачными тетивами из медвежьих жил. Были у них и рогатины с широкими железными лезвиями на толстых ратовищах.

– Лесомыки это, – объяснил Сереже Будимир. – По тайге мыкаются и зверя всякого промышляют и под деревом стоячим, и под колодой лежащей. В тайге и живут в суземе глухом.

– А пошто не жить? – сказал добродушно один из лесомык. – Лес – Божья пауза. Кого хошь напоит и накормит, ежели ты с умом и силенкой, тебя Бог не обидел.

Силенкой лесомыка не был обижен. Мощное, цепкое, жилистое, звероватое было во всем его плотно сбитом теле.

– А ты погляди-ка, малец, какое подношение они посаднику приволокли, – подтолкнул Будимир Сережу к охотникам. – Видал такую диковину лесную?

На разостланной медвежьей шкуре лежал дикий кабан, матерый секач.

Из длинной пасти с кривой губой торчали страшные, изогнутые острые клыки. Блестела на солнце щетина, твердая от смолы, черная на боках, рыжая под горлом и на брюхе.

– Здоровенный, язви его! – похвалил капитан, сам опытный охотник. – Не иначе, одинец¹³. С таким не шути. Силен ты, брат, – улыбнулся он охотнику.

– Знамо, силен! – гордо, со спокойной силой ответил лесомыка. – Народ у нас могучий и породный. Леса непроходимые да болота породу нашу сохранили. И край наш дивно богатый и хлебушком, и медом, и рыбой, и зверем.

– Всего нам Господь дал, – вздохнули в толпе, – только счастьем обделил.

¹³ Одинец – отбившийся от стада, особенно злой кабан.

– Погоди-ка, друг, а ведь я тебя в тайге видел, – сказал вдруг Ратных, приглядывавшийся к охотнику, и выдернул из его берестяного колчана стрелу. – Признавайся, это ты в меня в тайге стрелял? Такую стрелу я уже видел! Как нашли вы нас?

Лесомыка смутился, ответил тихо:

– Эва! Вы на всю тайгу шумели, о каждый пенек спотыкались. Ты-то тихо ходить умеешь, а эти, – кивнул охотник на летчика и мичмана, – как медведи ломились. Тебя мы последним нашли.

– И в город побежали, и стрелецкую облаву на нас наслали?

– Приказ у нас от посадника строгий: всех сумнительных людей имать, – виновато потупился охотник. – Не обессудь, мирской, подневольные мы.

– Ладно, язви тебя. Мы не сердимся. А как зовут тебя?

– Пуд Волкорез меня кличут, – охотно ответил лесомыка.

– А я Сережа Косаговский, – подошел к нему Сережа, протягивая руку. И, подумав, добавил: – Из двенадцатой школы имени Крупской. Я хотел вас спросить: вы и на медведей охотитесь? – заинтересованно указал он на медвежью шкуру.

– И медведя валил, сыне. Вот она, рогатина-то. Лишь бы рука не дрогнула и нога не посклизнулась.

– А если дрогнет? – доверчиво поднял Сережа глаза на охотника.

Стоявшие вокруг люди засмеялись, улыбнулся и лесомыка.

– Тогда, сыне, медведь-батюшка с тебя шапку снимет вместе с волосами и с кожей.

– Надо же! – сказал Сережа.

– Медведь на тебя сам не полезет, – сказал Будимир. – Ты другого зверя бойся!

Волкорез хитровато прищурил глаза и, глядя на верхние окна посадничьих хором, сказал понимающе:

– Про рысь говоришь, что наверху живет? Самый подлый зверь! Сверху падает и терзает, опомниться не дает!

– Вот то-то что сверху! – заговорила, заволновалась толпа посадских, и все задрали головы, глядя с ненавистью на окна хором. – Вся рысья повадка... Капкан хороший нужен!

– Дубина хорошая!.. Да топор!

– Цыц вам, мужики-горланы! Галдят, как галки на пожаре! – раздался вдруг властный голос.

3

С верхней площадки крыльца презрительно и скучающе смотрел на толпу красавец и щеголь, стройный, тонкий в талии, белозубый, белолицый и нежно-румяный. Усы мягко пушились, небольшая борода ласково курчавилась.

«Оперный опричник! Драматический тенор!» – подумал Косаговский, почувствовав вдруг острую неприязнь к этому щеголю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.